

Анатолий Спесивцев
«Черный археолог» из будущего. Дикое Поле
Серия «Азовская альтернатива», книга 1

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=627625

Анатолий Спесивцев «Черный археолог» из будущего. Дикое Поле»: ЭКСМО; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-47193-5

Аннотация

Докопался «черный археолог» – аж до XVII века! Вскрыл сдуру загадочный курган в Причерноморских степях – и провалился в далекое прошлое, оказавшись в Диком Поле 1637 года. И быть бы ему рабом у степняков-ногаев, гнить на турецкой каторге или на галерах – не освободи его из плена проезжий казак-запорожец. А реальные казаки, чтоб вы знали, ничуть не похожи на те сусальные образы, что рисует современная пропаганда: по сравнению с ними даже знаменитые пираты Карибского моря – сущие ангелы. Придется нашему попаданцу стать степным разбойником и черноморским флибустьером, участвовать в легендарной обороне Азова, рубиться с янычарами и брать на бордаж османские корабли, а если повезет – даже изменить ход истории. Так что – «Сарынь на кичку!».

Содержание

Авторское вступление	5
Пролог	6
Империя и император	13
Глава 1	15
Об опасности несанкционированных земляных работ (докопался)	15
О пользе вегетарианства	21
О неудобствах, проистекающих от акселерации и технического прогресса	25
Ночь коротка	31
О необходимом количестве мудрости	35
Глава 2	38
О новый, дивный мир	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анатолий Спесивцев «Черный археолог» из будущего Дикое Поле

Посвящаю эту книгу любимой жене Леночке, без которой ее не было бы.

Хочу поблагодарить:

Макаровского Николая Александровича, уж не помню после которой по счету рюмки коньяка уговорившего меня взяться за этот роман.

Сочинителей Владимира Коваленко и Александра Романова, чье внимание к моему пишущемуся произведению мне льстило и поддерживало решимость продолжать труд.

Многочисленных читателей форума «В Вихре Времен» и сайта Самиздат, чьи советы, указания на ошибки и интерес к моему творчеству мне очень помогли.

Особенно хочу выразить признательность четверым читателям с форума «В Вихре Времен», помогшим выловить в романе опечатки и ошибки:

*Сергею Акимову,
Игорю Гуртовому,
Александру Иванову
Михаилу Федотову.*

Авторское вступление

Решился на написание альтернативки и вынужден начинать с предупреждений:

1. Ни в коем разе не считаю себя ни украино-, ни русофобом. Если кому чего померещится, это его проблемы.

2. Ни в коем разе не считаю себя антисемитом.

3. С произведением уважаемого Сварги мой опус роднит сугубо точка бифуркации. Причем только место – он начал свой тайм-лайн от 1641 года.

4. В связи с частым и не всегда добрым поминанием одним из героев современных писателей и их произведений спешу предупредить, что буду вставлять только тех сочинителей, которые пишут интересные для меня вещи. А если Аркадий и помянет кого злым и вовсе не тихим словом, уж простите беднягу. Для него воспоминания об этих романах, их героях и комментариях к ним стали спасительной тропинкой, уводящей от безумия и дающей возможность проведения реформ. Где бы ему еще взять многочисленные и разнообразные знания?

В книге упомянуты, среди прочих, авторы или их герои:

Горелик Е. Тетралогия о нашей современнице Галке, ставшей пиратской адмиральшей в Карибском море XVII века;

Дойников Г. Цикл «Варяг» о попаданцах во времена Русско-японской войны;

Коваленко В. Автор цикла о Немайн, нашем современнике, попавшем в эльфийское тело в исторический VII век Уэльса, и романа об альтернативном восемнадцатом веке «Крылья империи». Ему же принадлежит «Иберийская рысь», роман о Карибском море XVII века;

Конюшевский В. Тетралогия о бравом Лисове, перевернувшем ход Второй мировой войны;

Махров А., Орлов Б. Цикл «Господа из завтра», где наши современники, вселившись в исторических личностей XIX века, меняют историю в пользу России;

Хван Д. Цикл о наших современниках, попавших в Сибирь XVII века;

Романов А. «Человек с мешком».

Пролог

Кабинет в офисе одного из крупнейших банков Днепропетровска.

23 марта 2009 года от Р. Х., 11.34

— ... Таким образом, создается впечатление, что крайне непрофессионально задуманное покушение удалось чисто случайно, из-за невероятного выверта судьбы.

— А эта группировка... М-м-м... Она точно подходит для такого дела? Вы *абсолютно* уверены? Ведь последствия...

— О да! Совершенные отморозки. Знающие, впрочем, свое место, иначе их давно бы зачистили. Но они успели натворить столько, что все посчитают инцидент делом их рук. Тем более только они до сих пор пользуются оружием времен Второй мировой. Все остальные давным-давно вооружились чем-то посовременнее. А у этих идиотов, представьте, даже гранаты, выкопанные под Войсковом, иногда идут в дело.

— Самоубийцы. Странно, что их не списали в расход. Группировка небольшая?

— Совсем небольшая. Но в том поселке нет ничего, что могло бы привлечь стоящих людей.

— Не было ничего.

— Что? Ах, простите, не было до последнего времени ничего стоящего. Вот им и позволяли там резвиться. А теперь там кое-что скоро появится, и их интересы придут в противоречие...

— Неужели они настолько отморозки? С трудом верится: это дерьмо в городе пустили на мясо еще в девяностых.

— То в городе. Нет, не думаю, что они в действительности решились бы. Поорали бы спяну, погрозились бы показать кузькину мать и успокоились бы. Но после происшествия, да с такими следами...

— Не слишком ли много следов, не подозрительно ли, что все следы ведут именно к ним?

— Нет. На редкость неинтеллектуальная публика там подобралась. Думать они не умеют, да и не хотят.

— Но ты сам сказал, что они знают свое место. Следовательно, хоть одна извилина на всех там имеется.

— Нет-нет. Осторожность у таких идет не от ума, а от инстинкта самосохранения.

— Оружие, надеюсь, выведет куда нужно?

— Обязательно выведет. На эту самую группировку. Его привезет прямо к месту преступления один из их поставщиков. Стволы, естественно, мы используем свои. Сам он, правда, в группировку не входит, но их тесные отношения ни для кого не секрет. Он давно черной археологией балуется, раскопанное реализует. Боеспособное оружие продает им. С существенной скидкой, за покровительство. Ему обещан очень жирный куш за своевременную доставку стволов и патронов. Патронов, естественно, не из раскопок — я знаю, у него есть знакомый, способный украсть ящик-другой. Будет на процессе важным свидетелем.

— Этот черный археолог, он не успеет?...

— Нет, конечно. Будет одним из двух бандитов, убитых мужественной, но неудачливой охраной. Вместе с помощником пахана. Еще один уже лежит под кайфом в укромном месте.

Он достанется охране живым. Все равно рассказать что-нибудь связанное или хотя бы вспомнить последние сутки он не сможет, даже если будет очень стараться.

– Ну... вроде бы... но что-то меня продолжает беспокоить. Какое-то нехорошее предчувствие.

– Не беспокойтесь. Все под контролем, никаких сбоев не предвидится. Да их просто не может быть!

* * *

В городе надо было быть к четырем, на дорогу требовалось не более часа, если, конечно, охранники высокопоставленного визитера не перекроют весь Днепр, а не только центр. Что крайне маловероятно. Не то сейчас положение у этой крякозябры, чтоб вытворять подобное. А соваться с ТАКИМ грузом к зданию облсовета Аркадий не собирался.

«По уму надо бы на всякий случай подъехать к месту встречи пораньше. Но не хочется. Уж если быть честным с самим собой, на эту встречу не хочется ехать совсем. Сколько бы за товар ни обещали. Чует серденько, дело пахнет керосином».

Однако хочешь не хочешь, а если нарушишь контракт в таком деле, платить придется собственной головой, Аркадий это понимал и увиливать не собирался.

«Но можно же провести время до передачи груза в свое удовольствие? Возражений не слышно. Значит, можно. Благо тут недалеко курганчик подозрительный есть. Как бы не скифских времен... Вот его развеем».

Аркадий, мучимый плохими предчувствиями, даже забыл, что ранее этот самый курган вызывал у него сильнейшее отторжение. И он еще в прошлом году решил для себя, что его трогать не стоит.

«Видно, в нем шаман какой-то захоронен. С таким связываться – себе дороже. И Шилов об этом писал, в «Путях Ариев». Про раскопки могилы Тимура сразу вспоминается...» – тогда подумал он и от мыслей о раскопках отступился. Но тревога от предстоящей встречи по передаче товара напрочь выбила это благоразумное решение из его головы. Вылез из машины, достал из багажника миноискатель, лопату и сумку с товаром – береженого Бог бережет. Характерно, что о бессмысленности миноискателя при раскопках кургана он почему-то не подумал. На глубоко закопанный металл этот прибор сработать не может. Пока возился в багажнике, сначала легкий, потом окрепший ветерок вызвал озноб. Щегольскую курточку пачкать на раскопках не хотелось. Нацепил, не застегивая, потрепанный полушубок, валявшийся в багажнике. *«Пар костей не ломит!»* – и двинулся, без всяких предчувствий, к недалекому курганчику. Совсем неброскому, оплывшему, метра полтора высотой.

Кряхтя – невеликое удовольствие тягать на плече тяжеленную сумку, – забрался на вершину. Сбросил громко звякнувшую сумку на землю, включил миноискатель. Прибор, опровергая здравый смысл, сразу запищал, будто обнаружил копию саркофага Тутанхамона. Аркадий – и куда только плохое настроение делось! – с азартом и самыми радужными надеждами копнул середину холмика.

С ясного неба грянул гром, глаза ослепила вспышка, и он потерял сознание.

Кабинет в офисе одного из крупнейших банков Днепропетровска.

23 марта 2009 года от Р.Х., 17.00

– ...Вы хоть понимаете, КАК вы меня подставили?! Зимой президентские выборы! Вы хотите, чтобы ЭТИ снова пришли к власти и начали всех нас *трусить*?... Ваш хваленый археолог, – последнее слово было произнесено с убийственно ядовитой иронией, – попросту не приехал! Отморозков перебила охрана, менты уже нарыли что-то весьма для нас неприятное, *объект* жив-здоров, а *Она*, – тычок пальцем в потолок, – крайне недовольна! Я подчеркиваю – крайне! Вы понимаете, что это означает для нас с вами лично? Ментов я заткну, не проблема, а вот как быть со всеми остальными? Нами недовольна *Она*, и *объект* уже стукнул своему *кандидату*!.. Бл...ь... Заткнись, ты, урод безмозглый! Сам знаю – пора активировать некоторые счета за бугром...

Рим, палаццо Барберини,

17 февраля 1637 года от Р.Х.

– ...И еще его святейшество выразил свое опасение новым усилением позиций империи.¹ До него дошли сведения из Польши, что несколько магнатов уже выразили желание прийти на помощь католическим войскам в борьбе с еретиками. Он считает, что это может вызвать нежелательный для нас поворот дела. Тяжелая польская конница крайне опасна на поле боя, протестанты могут не выдержать ее ударов. Он выразил уверенность, что мы – слышишь, сын мой Петр – мы не допустим такого. После гибели северного богатыря их позиции и без того ослабли.²

– Но, монсеньор, что мы можем сделать в этой далекой стране?

– Католической стране. Или ты сомневаешься во власти папы над католиками, дарованной ему Богом?

– О нет, нет! Но беда в том, что куда более сильные позиции, чем Ватикан, там занимают иезуиты. Вы же знаете, что наша власть над ними условна, они действуют в интересах Габсбургов.

– Да, воистину эти проклятые интриганы – наказание нам за наши грехи. Но его святейшество выразился ясно и предельно четко: империя не должна получить подкрепления из Польши! Наше дело, как это воплотить в жизнь.

– Однако после... хм... подозрительно скоростижной смерти не болевшего Сикста V³ идти на прямой конфликт с этими змеями подкожными... не хочется. Или его святейшество?...

---

¹ Империя – Священная Римская империя германской нации, других в то время еще не было. Очень странное образование, где императоров выбирали; правда, вот уже сотни лет «выбор» падал на Габсбургов. Столица – Вена.

² Вам не померещилось, и я не сошел с ума. Римский папа тех лет, Урбан VIII, действительно не скрывал своих симпатий к яростному гонителю католиков Густаву-Адольфу, что не мешало ему шведа предать. Уж очень опасался понтифик дальнейшего усиления Габсбургов.

³ Сикст V имел неосторожность угрожать иезуитам, после чего вдруг скоростижно умер. Хотя никаких жалоб на здоровье до этого не выказывал. Умному достаточно.

– Его святейшество не сошел с ума. Никаких столкновений с иезуитами или их хозяевами. Впрочем, там теперь черт ногу сломит, выясняя, кто хозяин, а кто слуга. И так ему, нечистому, и надо! Но указание его святейшества должно быть выполнено!

– Ума не приложу, как можно это сделать.

– Не кокетничай! Тебя для этого держат здесь, осыпая милостями на мой взгляд, не всегда заслуженными. По части интриг ты иезуитам не уступишь. Вот и придумай что-нибудь! За что мы тебе такие деньги платим, награды выдаем? Или ты уже считаешь, что получаешь недостаточно? – в голосе кардинала прорезалась сталь. Та самая, из которой делают очень острые смертоубийственные предметы, наподобие кинжала убийцы или топора палача.

– О нет-нет! Я доволен получаемой платой и счастлив служить престолу и семье Барберини! – голос заметно старшего, чем собеседник, сына, звучал предельно искренне.

– Тогда шевели мозгами и не трепли попусту языком.

– Слушаюсь, монсеньор. Мне тут подумалось: раз мы не можем из-за иезуитов впрямую воздействовать на тех полных греховной гордыни магнатов, может, нам их и использовать?

– Не понял, кого их, иезуитов или панов?

– И тех, и других.

– И как мы это сделаем?

– Иезуиты полны похвального стремления нести свет истинной веры в заблудшие, не освещенные ею души. А в Польше большая часть населения по-прежнему придерживается схизматических заблуждений. Прямое указание об усилении борьбы со схизматиками они примут к исполнению. Даже если оно будет исходить из Ватикана.

Кардинал Барберини, молодой вельможа, блиставший шелками и парчой одежды, золотом и драгоценными камнями креста и украшений, задумался. Окинул невидящим взглядом собственный роскошный кабинет, потом совсем закрыл глаза. Через несколько мгновений стал внимательно рассматривать собеседника, невысокого, полного мужчину средних лет в скромной коричневой сутане. Некрасивое, совсем не аристократическое лицо которого было полно почтения к нему, родственнику папы.

– Ну и что ж? Нам-то какая от этого выгода?

– О! Но, воплощая это вполне богоугодное указание в жизнь, они еще сильнее надавят на схизматиков, без того крайне недовольных попытками их приобщения к истинной вере. Учитывая, что своих войск у иезуитов нет, они привлекут для репрессий против непокорных отряды магнатов. Которые сейчас собираются воевать со шведами, подстрекаемые теми же иезуитами.

– Много ли надо войск для наказания крестьянского быдла?

– Если у крестьян есть оружие и они умеют им пользоваться, а на Украине это не редкость, то немало. Впрочем, главным противником наших крестоносцев будут не крестьяне, а казаки. Вот против них войск понадобится действительно много. Больше, чем у поляков есть сейчас.

– Ты уверен? Пусть воинственные, но дикие казаки против блестящего рыцарского войска? Тебе не кажется, что надолго дикарей не хватит?

– Простите, монсеньор, я уверен, что воинственные магнаты надолго застрянут в скифских степях. Своими ненасытностью и гордыней они настроили против себя все население восточных областей Речи Посполитой, в ближайшее время там обязательно полыхнет война. А казаки, хоть и дикие, не осененные светом истинной веры, – прекрасные воины. Вот и пускай немедленно магнаты начинают вести заблудшие души в истинное стадо Христово, под руку единственного настоящего пастыря Господнего. В своих подлинных интересах и... в соответствии с пожеланиями его святейшества об их неучастии в военных действиях в Европе.

В беседе возникла короткая пауза. Кардинал обдумывал предложение, его собеседник подчеркнуто почтительно ждал вердикта.

– Ну... что ж, я нахожу твое предложение достаточным и разумным. И знаю, как подстегнуть братьев из ордена Иисуса Сладчайшего к поступкам, ведущим к нашей цели. Будем надеяться, что ты не ошибся в воинских достоинствах этих еретиков. Во имя Господа нашего да будет так!

– Аминь!

Москва, Кремль, царский дворец,

лето 7146 года от С. М. (1637 год от Р.Х.)

Если кто вообразил нечто вроде Грановитой палаты, то вынужден его (ее) разочаровать. Светелка в деревянном здании смотрелась просторной разве что в сравнении с хрущобными помещениями. И украшена была, по меркам новых русских, скудно до безобразия. Если, конечно, исключить многочисленные иконы в дорогих окладах. Не поражал в этот вечер государь Михаил Федорович и роскошью одежды. Выглядел очень скромно, неброско. Впрочем, многие, даже из тех, кто имел доступ на торжественные приемы царя, очень дорого дали бы, чтобы попасть на место царского гостя, князя Черкасского.

– Слышал я мнение боярина Шереметева. Очень он умен и осторожен. Только в этом случае я с ним не согласен. Нельзя нам, великому государству, Третьему Риму, опоре православной веры в мире, уподобляться пуганой вороне, которая, как известно, куста боится. Все знают, что донские казаки или там запорожские черкасы, живут сами по себе, никого не слушают и власти вашей, государь, над их землями нет. Чего нам бояться, если они на кого-то нападут, кого-то пограбят?

– Так султан же нам же и цидулу пришлет, с жалобами и угрозами. А вдруг и вслед за тем войной пойдет?

Князь, сидевший на краешке лавки, встал и поклонился государю поясным поклоном.

– Воля твоя, государь, да только как же он на нас пойти войной сможет, если в Персии завяз, с их шахом воюючи? Нет, Михаил Федорович, светлый государь, не пойдет он на нас войной. Вон недавно казаки с черкасами многие его города пожгли-пограбили, уж как он злобился, а на нас войной не пошел. И сейчас не пойдет. Наших-то стрельцов и детей боярских под этим городком, Азовом-то, не будет. За что на нас войной идти? Про разбойную суть казаков и черкас кто только не знает! Они и нашим землям немалый урон приносили.

– Так порох, еду, снаряжение всякое мы казакам посылаем. Вот и скажет султан, что это по нашему указу казаки Азов, его городишко, захватили. И пойдет войной. А нам сейчас воевать – нож острый. Сам знаешь.

– Ох знаю, великий государь! – князь, было присевший на краешек скамьи, опять встал и поклонился собеседнику. Тот махнул рукой, призывая родственника, можно сказать друга, сесть, что князь и сделал.

– Ведаю, великий государь, что никак мы после несчастной последней войны не оправимся, убытки не возместим. И про волнения среди москвичей хорошо наслышан. Так и не будем мы воевать. Биться с турками и татарами, нехристями погаными, казаки будут. С них и спрос. Осерчает султан, на них войной пойдет. Нам-то какая беда, если он в степях пустых брань начнет, с разбойниками и ослушниками? Мы за их разбой ответа не несем. А если что и посылали им, так мы и татарам проклятым посылаем откуп. Чтоб свои земли и людишек от набегов предохранить.

– Так султан же нам писать будет! Нас обвинять!

– Ну и пускай бумагу пачкает. Бумага все стерпит. А замахиваться на наше государство, да во время тяжелой рати с Персией, он не посмеет. Хоть и нехристь, да не дурак. Поостережется. Сцепится с казаками? Так нам до разбойников какое дело? Если и сгонит их с городка, нам убыток невелик, а прорух чести, так совсем нет. А пока с татарами тот городишко осаждать будет, на наши окраины набегов меньше татарва проклятая совершит.

– Э-э-э... в твоём толковании все глядится как-то иначе, чем у Шереметева. Вроде бы и действительно, убытков больших нам не предвидится, а польза может выйти немалая.

Князь снова встал – не вскочил, а именно степенно, не спеша встал – и поклонился в пояс царю.

– Так разрешаешь ли, великий государь, отправку пороху и прочего снаряжения на Дон?

– Разрешаю! – махнул рукой Михаил. – Убедил. Но и с тебя, если что, спрос будет.

– Ради Отчизны и Богом данного помазанника Божия завсегда умереть готов! – воински гаркнул Черкасский и поклонился государю до земли.

– Не надо умирать. Обещанное выполни.

– Выполню, великий государь, что б ни случилось, выполню.

Стамбул, Топкана,

18 шаввала 1046 года хиджры

(15 марта 1637 года от Р.Х.)

– А-а-а-а!..

– Закрой пасть, сын шайтана, ты ее при зевании так открываешь, что ворона может залететь, не задев твои гнилые зубы ни единым перышком! Хотя в такое вонючее место и помойная ворона нагадить побрезгует.

– Спать хочу! Накануне допоздна засиделись с кривым Хуссейном за нардами, толком перед стражей не поспал, вот и тянет на зевоту, сил нет... а-а-а-а!.. А вороны ночью не летают.

– Зато летают боящиеся дневного света демоны. В такую большую пасть сможет залететь самый большой и вредный демон, вот тогда тебе станет не до зевания. И вони, даже такой, как у тебя изо рта, демоны не боятся.

– Будто из твоей пасти пахнет розами и женскими притираниями.

– Нет, из моего рта розами не пахнет. Из него вообще ничем не пахнет. Потому что я туда разную вонючую гадость не сую и рот каждый день полощу.

– И я полощу. Иногда. И чего ты к моему рту прицепился?

– А ты не зевай и не воняй, тогда цепляться не буду.

– Выдумываешь ты все. Ничего я не воняю, иначе кому б эту вонь ощущать, как не мне? А я никакой вони не чую.

– О Аллах, Всеблагий и Милосердный! Вразуми этого дурака! Внуши ему хотя бы капельку любви к чистоте, о которой говорил пророк Мухаммед.

– Ты что, Расул, мулла, чтоб знать, о чем там говорил пророк? А-а-а-а!..

– Да не зевай же! Тихо! Кто-то идет.

Действительно, в ночной тиши раздались шаги, и мимо двух часовых у дверей гарема прошел юзбаши⁴ Мурад в сопровождении двух аккюлахлы,⁵ таких же капуджи,⁶ как они сами. Мехмед и Расул попытались стать так, чтоб выглядеть погрозней и понастороженней. Шайтан силен, доносы на нерадивость могут сильно испортить жизнь, а то и совсем ее прервать. Когда шаги затихли, диалог, спасавший их от засыпания, продолжился.

– Очередного красавчика к валиде-ханум⁷ повели. Сколько их здесь уже побывало... Эх, будь у меня в штанах все, что предусмотрел Аллах...

– Размечтался... Кто бы нас здесь поставил, будь у нас порядок в штанах? Да и имей ты ослиные причиндалы, валиде-ханум тебя бы не выбрала. В зеркало давно смотрелся? Морда – как печеное яблоко, от волос почти ничего не осталось, на батыра ты и в молодости похож не был, а уж сейчас...

– Так ей же по ночам не красивая морда, а нечто совсем иное нужно. Вот бы иметь это...

– Валиде-ханум умнейшая женщина, ей от мужчины не только постельные скачки нужны. А у тебя, Мехмед, в пустой голове ветер так порой свистит, что мне трудно команды капуджи-баши слышать.

– Уши от грязи чистить надо, тогда лучше слышать будешь. А валиде-ханум, действительно, умнейшая женщина, да пошлет ей Аллах долгой и счастливой жизни. Может, даже умнее великого визиря. Хотя, конечно, Мехмед-паша тоже умнейший человек, да продлятся его годы. Заметь, что этого достойнейшего человека зовут так же, как меня.

– Заметил, заметил, а заметил ли ты, что у него, хоть он, безусловно, достойнейший человек, появились трения с великолепной валиде-ханум? Она требовала отправить пополнение в Персию, где наш падишах, великий и непобедимый повелитель правоверных, сотрясатель вселенной, добивает жалких вояк шаха, а он отправил целых две тысячи в какой-то городишко на краю султаната.

– Городишко-то, может, и на краю, да противостоит проклятым гяурам, бандитам-казакам. Сам знаешь, как опасны эти собаки.

– Но как отнесется к сообщению своей матери повелитель? Не сомневаюсь, что оно уже отправлено. Войска, пусть и не непобедимые янычары, а азапы,⁸ лишними не бывают.

– Аллах велик! Разве дано нам, убогим, предугадать поступки столь больших людей?

– Воистину велик! Согласен, не дано. Будем радоваться, что живем в таком государстве, первом из всех в мире.

---

⁴ Юзбаши – офицерский чин.

⁵ Аккюлахлы – сопровождающие.

⁶ Капуджи – стражник.

⁷ Валиде-ханум – мать султана.

⁸ Азап – воин-пехотинец, нанятый на время боевых действий.

Империя и император

В Вене новый император принимал дела. Собственно, не все еще формальности были соблюдены, не везде Фердинанд III был уже легитимным правителем, предстояли еще кой-какие процедуры, но ни у кого не могло возникнуть сомнения в их успешном завершении. Император умер, да здравствует император!

Империя... Как гордо и грозно звучит это слово. В начале XVII века в Европе была одна империя – Священная Римская империя германской нации. То есть и государство Османов называли Оттоманской империей, но правильнее его называть халифатом или султанатом.

Глянув на название, легко заметить неувязки. Если Священная Римская, то при чем здесь германская нация? К тому времени германцы на Апеннинском полуострове давно растворились в местном населении. И почему императора выбирают? Пусть уже 200 лет выборы заканчиваются победой Габсбургов и никто не ожидает иного их исхода, но... неувязочка. При внимательном рассмотрении устройства этой империи удивление продолжает нарастать. Все крупные ее составляющие фактически – самостоятельные государства, нередко враждебные политике, проводимой империей.

Поэтому обычно, говоря об империи, имели в виду прежде всего Остмарку, Австрию, со столицей в Вене. В те времена это было мощнейшее государство Центральной Европы. От политики императора зависело очень многое. В начале XVII века Европе не повезло. Трон в Вене унаследовал наследник третьего сына императора Фердинанда I Фердинанд II, правитель Штирии.

Будущий император, Фердинанд II, сын младшего брата Максимилиана II, эрцгерцога Карла и супруги его принцессы Баварской, родился 9 июля 1578 года. Потеряв отца еще в детстве, Фердинанд был отдан матерью на воспитание герцогу Вильгельму Баварскому, ее родному брату. Герцог заботился о племяннике, как о родном сыне, дал ему прекрасное образование в Ингольштадтской академии, в которой преподавали отцы иезуиты.

Вынужден сделать отступление. Вне всякого сомнения, именно иезуиты тогда давали самое лучшее образование в Европе. В их ордене дело образования и воспитания молодого поколения было поставлено хорошо как нигде. Однако, увы, в этом яблоке познания была ядовитая начинка. Иезуиты старались воспитать из учеников фанатиков католицизма. Не всегда это им удавалось, Хмельницкий тому пример, но удавалось часто.

Возможно, кого-то это позабавит, но жалкого штирийского герцогишку в Вене и Москве всерьез рассматривали как жениха для дочери Годунова. Однако испанский король стал резко возражать, да и сам Фердинанд переходить в православие, что выставлялось непременным условием, не желал категорически.

Далеко не блистательно одаренный от природы, Фердинанд стал истовым ненавистником всего некаатолического. И, имея для этого возможности, обратил свою ненависть на протестантов. Уже как правитель Штирии он проявил эту черту характера. Когда же после смерти императора Матвея он сел на опустевший трон, все поняли – быть беде.

Именно католический фанатизм Фердинанда послужил поводом чешским панам для попытки отделения от империи. Они мечтали жить в таких же условиях шляхетных вольностей, как польские, и поплатились за это жизнями и имуществом. Но к ним, протестантам по вероисповеданию, поспешили на помощь их единоверцы из других частей империи, а также и из других стран. Разразилась Тридцатилетняя война. Весьма вероятно, что будь император государем терпимым, не склонным к репрессиям на иноверцев, такого бы не случилось.

В этой войне войска империи одержали немало славных побед, но и неоднократно были жестоко биты. То император был готов возвестить об окончательной победе, то враги прорывались к Вене, разоряя все вокруг. Германия и Чехия местами превратились в дикое,

безлюдные территории, сильно пострадали и собственно австрийские земли, а война продолжалась и не видно было ей конца.

Планы Габсбургов по наведению своего порядка в Европе не вызвали понимания даже в Риме. Главу католиков всего мира габсбургское властолюбие пугало так, что он не скрывал симпатий к воюющим с империей протестантам.

Воспитанный как фанатик, Фердинанд не только истово верил в Бога, он и его католическим служителям доверял безмерно, заявляя, что если ему ангел небесный и монах будут советовать разное, то он последует совету монаха. Этим умело воспользовался знаменитый Ришелье, прислав на переговоры к императору своего «серого кардинала», отца Жозефа. Умнейший, хитрейший человек, тот смог весьма качественно заплести примитивные мозги Фердинанда.

В результате в историю император Фердинанд II вошел как разжигатель страшной войны и преследователь за инакомыслие. Государство при нем заметно потеряло как в экономике, так – уже после его смерти, но именно из-за его действий – и территориально. Выиграло ли при этом католичество? Судя по разрешению папы после конца Тридцатилетней войны на многоженство – однозначно нет. И число католиков заметно уменьшилось, и влияние тех же иезуитов упало.

23 февраля 1637 года – император Фердинанд II скончался, завещая престол и дальнейшее кровопролитие сыну своему Фердинанду III. Сын не унаследовал его фанатизма, но война имеет свои законы. Она продолжалась.

Глава 1

Об опасности несанкционированных земляных работ (докопался)

23 березня (марта) 1637 года от Р.Х., полдень

«Пусть шерсть давно начала сидеть и посветлела, ноги бегут по-прежнему быстро и неустойчиво. Момент, когда я промахнулся, еще далек, и отбитый от стада жеребчик тарпан обречен».

Пожухшая давно от жары трава послушно стелилась под ноги. Степные запахи (обычному человеку никогда не понять, какое это счастье – обонять мир) давали волку радостную картину. От тарпанчика несло страхом и обреченностью. Чуткий волчий слух уже улавливал сбои в его сумасшедшем паническом галопе. Бежать долго он не сможет. Скоро выбьется из сил и свалится.

Дурашка в ужасе от страшной опасности понесся через поселение байбаков, чего ценящий свои ноги никогда не сделал бы. Но молодым идиотам часто везет. Под возмущенный свист местного населения жеребчик пронесся вихрем сквозь полное ям место.

«Не-ет, мы пойдем другим путем. Опытный волчара не стесняется идти в обход. Все равно никуда ему не убежать от меня».

Волк надал ходу, дугой оббегая поселение байбаков. Где-то в ее середине он унюхал чужеродный запах со стороны и инстинктивно повернул на бегу голову, пытаясь выяснить его причину. Нет, он не собирался менять цель охоты, на такое способны разве что совсем неопытные щенки. Однако все необычное может таить опасность.

«Вонючие подлые убийцы. Трусливые и слабые, но опасные своим умением метать смерть издалека. Не для таких, как я, опасные, – оскалился волк и, краем глаза уловив мышиную норку в месте, куда летела его нога, дернулся вбок всем телом, одновременно поджимая ноги под себя. – Проклятые вонючки!»

Делать такие выпрыжки на бегу – весьма необдуманный поступок, чреватый серьезной опасностью. Однако попавшая в нору лапа грозила верным переломом. Прокатившись по траве, кувыркаясь самым причудливым образом (ох, как больно!), волк застыл, приходя в себя. Боль ушла из тела довольно быстро, а поначалу-то показалось, что переломано-покалечено чуть ли не все. И, отдышавшись, волк и ухом не повел в сторону убежавшего жеребчика. Хотя и сейчас вполне был способен его нагнать. Нет, теперь его интересовали только виновники чуть было не случившегося с ним несчастья.

«Посмотрим, почему вы посмели оказаться на моем пути. И будете ли вы доброй заменой сбежавшему жеребчику».

Отряхнувшись от пыли, волк неспешной рысцой двинулся к новой цели. Куда более опасной, но и несравненно более интересной.

* * *

Аркадий оцепенел до такой степени, что воспринимал происходящее как кино. Или, точнее, как авангардистский театральные спектакль с участием зрителей в действе. Нет, как дурной сон, который почему-то не кончается. Хотя давно бы пора. Боль от арканов легкой

назвать мог только законченный мазохист. Да и ссадин при волочении по земле успел наполучать в достаточном количестве. Однако и боль не побуждала его к действию.

«*Этого просто не могло быть!*» – Но было. Именно с ним и сейчас. Мозги не могли быстро переключиться на новую, сверхнеобычную, реальность. И ступор продолжался.

* * *

Ох не напрасно ему не хотелось копать этот курганчик! Ох не напрасно... То, что там таилось, оказалось очень опасным. Стоило подцепить лопатой какую-то хрень, лежавшую близко к поверхности, как что-то сверкнуло, громко бабахнуло, в голове помутилось, и он выпал в осадок.

Пришел в себя быстро. Если верить наручным часам. Весьма добротной гонконгской подделке «Омеги» (*ну не надевать же, идя на такое сомнительное мероприятие, швейцарского «Мюллера»*). На которые не сразу догадался посмотреть из-за жуткой головной боли. Впрочем, какие там часы! На автомате встал с земли, на которую грохнулся, потеряв сознание, отряхнул пыль с джинсов и рубашки. Некоторое время тупо пытался сообразить, чем это его шандарахнуло.

«*Мина? – Глянув на свои ноги, обнаружил, что они целехоньки. – Даже самой слабой хоть одну ногу, да оторвало бы. Не, точно не мина! Тогда что?*»

На всякий случай осмотрел подошвы обуви. Естественно, никаких следов взрыва не выявил. Из-за головокружения и сильнейшей, до позывов к рвоте, головной боли чуть при этом не упал. Да и рассмотреть подошвы смог не без труда – зрение, обычно великолепное, после странного происшествия работало плохо. Глаза резало, они слезились и видели... не лучшим образом.

«*Может, молнией жახнуло? Кажись, сверкнуло что-то сверху*».

Аркадий задрал голову. Даже в нынешнем состоянии не заметить ярко-голубого, совершенно безоблачного неба он не мог.

«*С чистого неба вроде молнии не бьют. Кажется. А облаков, даже самой завалящей тучки, не видно. Господи, ну почему мне так хреново?!*»

Однако никаких идей о причинах падения и плохого самочувствия ему не приходило.

Потом, когда очухался в достаточной степени, чтобы оглядеться и рассмотреть окрестности, возмутился пропажей автомобиля. Даже эту пропажу заметил не сразу, до того плохо было. И первым делом порадовался, что товар прихватил с собой. Сумка покоилась рядом с ним на том самом проклятом курганчике. Заказчик выглядел так, что обманывать его не хотелось категорически. Хотя, казалось бы, мужик среднего роста, среднего возраста, не качок, без особых примет, голос не повышал, встретишь через неделю – не узнаешь, если сам не обзовется, но глаза... и голос... На хрен, на хрен, с таким хочется быть честным и исполнительным. И вообще встать по команде «Смирно!» и щелкнуть каблуками.

Потом сообразил, что что-то в окружающем мире явно не то даже помимо исчезновения личного автотранспорта. Мозги после странного происшествия работали... условно. Поэтому, наверное, он с немалой задержкой осознал, что, хотя ландшафт почти не изменился, растительность вокруг стала кардинально иной. Никаких зеленеющих пшеничных полей. Впрочем, может, ячменных или овсяных. Исчезли и лесополосы. Вокруг расстилась степь, покрытая высокой пожухлой прошлогодней травой. Хрен ее знает, как называвшейся. Ботаником Аркадий не был ни в каком отношении.

В растерянности он встал и начал оглядывать окрестности с вершины треклятого курганчика (*чтоб его!*), временами привставая на носочки и тщетно всматриваясь вдаль. Пытался определиться, понять, что с ним случилось. Дополнительную тревогу вносило то, что джиписэска, несмотря на недавнюю смену батареек, связь со спутником установить не

могла. И оба мобильника в унисон сигнализировали об утере связи. Чтоб не разрядились, отключил их на хрен.

«Черт, черт, хотел же купить «Самсунг» с джиписэской!» – расстроился Аркадий. О его способности соображать свидетельствовала эта бредовая мысль. Если уж отказали его «Сони-Эриксоны» и специализированная джиписэска, то вероятность срабатывания «Самсунга» выглядела вовсе маловероятной.

Пытаясь сообразить: *«Что же, черт побери, случилось?!»* – он потоптался на вершине «своего» кургана, силясь хоть что-нибудь рассмотреть в окрестностях. Не преуспев, совсем растерянный, сел на сумку с товаром и стал старательно, но совершенно безуспешно приводить в порядок мысли. Не было в голове ничего, что пусть с натяжкой, но можно было бы назвать мыслями. Сплошной сумбур и бардак. Ну вылитая Верховная рада в первый день распределения кормных местечек. Хорошо, полушария друг с другом физически выяснять отношения не начали. Драка внутри черепной коробки определенно была бы фатальным перебором.

Бог его знает через какое время один из обрывков упомянутого сумбура с бардаком был успешно отловлен и признан «мыслью удачной».

«У меня же в сумке цейссовский бинокль!» – вопреки совершенно определенному заказу, Аркадий и патронов двойную норму положил, и бинокль в прекрасном состоянии совершенно кстати прихватил. Вообще-то нетрудно было прикинуть... что-то к чему-то: зачем ТАКОМУ человеку старое оружие. И от этих прикидок у Аркадия сразу портилось настроение: уж очень был велик шанс стать нежелательным свидетелем. И назад уже поздно сдавать. Но он пессимистические мысли гнал прочь, надеясь на извечное русское авось. Может, пронесет? Не в смысле расстройства желудка. Для самоуспокоения и лишний, не заказанный товар прихватил. Вдруг за дополнительную плату возьмут и их? Вот и пригодились. Пусть не для продажи.

Трясущимися руками, гоня нехорошую, вполне целостную мысль о переносе во времени – альтернативки любил и читал очень охотно, достал бинокль и начал осматривать окрестности уже через оптику. Прекрасное и надежное изделие немецких мастеров (*сколько лет в земле пролежал, а видимость дает, как будто новенький!*) рассмотреть что-нибудь более интересное, чем редкие курганы, не помогло. Но соображал уже настолько, чтоб заметить: место вроде бы по рельефу походило на то, в котором он получил привет из прошлого. Разве что курганов и курганчиков стало явно больше. Что неудивительно, степь-то нераспаханная.

«Курганчиков больше, а местность вроде та же. Вот бы покопаться в них, столько можно...» – тут он вспомнил, каким образом сюда попал, и от души приложил себя ладонью по лбу. – *Черт! Сильна же жаба, воистину именно она – символ национального характера. Докопался уже, так нет... Курганы теперь пусть другие копают, я с этим завязал окончательно, а то провалишься в юрский период, налаживай там отношения с динозаврами...*» – зарекся он, вопреки известной поговорке, не рекомендующей это делать.

Аркадию захотелось вдруг закурить. ОЧЕНЬ сильно. Хотя он с седьмого класса в рот сигареты не брал, да и особого желания это сделать в последние годы не испытывал – «... нет, определенно фантастики перечитал. Или вчера в чате альтернативщиков пересидел. Называется: сбылась мечта идиота. Мечтал оказаться в прошлом, изменить течение истории? Получи перенос, расписываться не обязательно».

Аркадий изо всех сил зажмурился, задержав невольно дыхание, и, открыв глаза, обнаружил, что не имеющая видимых признаков цивилизации степь никуда не делась. Попытка надавить себе на глаз (вспомнился эпизод приключений Привалова)⁹ дала тот же резуль-

---

⁹ Привалов – герой знаменитых произведений братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о

тат. Давить сильно не решился – начинать новую жизнь с одним глазом не хотелось. А попытка ущипнуть себя (*больно!*) в будущем аукнется ему синяком на бедре. Мысль оказаться героем альтернативки ему, в нынешних обстоятельствах, уже не казалась привлекательной. А ведь столько раз мечтал... Скорее, наоборот, хотелось вернуться в свой, может, несовершенный, но привычный мир. О монгольском нашествии или Гражданской войне лучше все-таки читать. Впрочем, ни о каком XX веке не могло быть и речи. Здешние места начали активно осваивать еще в середине века девятнадцатого. Если не раньше.

Его кинуло в пот, и он снял полушубок, свернув, положил на сумку, присел на свое имущество.

«Так что о теплом ватерклозете можно забыть. И об электричестве, автомобилях и многом-многом другом». – Некоторое время он перебирал предметы и привычки, от которых придется отказаться. Возможно, навсегда. Список рос так стремительно, забывать следовало столь о многом, что показалось – *«Жизнь уже кончилась, жить больше незачем. Не жизнь будет, а сплошные мучения».* – Сильно способствовали пессимизму не ослабевавшая головная боль и временами накатывавшие приступы тошноты.

Будь вокруг люди, может быть, он куда быстрее собрался бы с силами и мыслями. Но строить из себя крутого мэна было не перед кем, и Аркадий позволил себе даже пустить слезу. Очень стало ему себя, бедненького и разнесчастненького, жалко.

А мог бы сообразить, что углубляться в самокопание и саможаление в подобных условиях весьма рискованно и чревато опасностями, вплоть до фатальных. Но не был он супергероем, подобно главному действующему лицу любимой альтернативки, «Попытки возврата» Конюшевского. Ему об этом быстро напомнили.

Услышав конский топот, он обернулся и обнаружил трех всадников менее чем в сотне метров от себя. Они бодро рысили на небольших лошадках, оставляя за собой весьма заметный пылевой хвост. Где, спрашивается, были его уши и мозги?

Посомневавшись – неудобно все-таки рассматривать людей внаглую, через бинокль; хрен их знает, какотреагируют, колдовством посчитают, стрелами напичкают, расстояние для лучников вполне подходящее, – поднял бинокль. И убедился, что самые нехорошие предчувствия начинают сбываться. Рожи у всадников были азиатскими и откровенно бандитскими. А одежда... Опять-таки, хрен знает, как это называется, но к одежде XX века их шмотки отношения не имели. Их и тряпками-то вряд ли можно было назвать – сплошная кожа и овчина.

Аркадий задержался. Доставать оружие прямо на глазах дикарей не хотелось, могли расценить такой жест как враждебный. С другой стороны, не достанешь – они тебя мигом захомутают и на продажу погонят. Да и, в конце концов, они могут не знать, что это за штука такая – пистолет. Помявшись еще несколько мгновений, он нагнулся, расстегнул сумку, покопался в ней, извлекая из-под тряпок «ТТ». Слишком поздно.

Еще когда копался в сумке, услышал какой-то новый звук, то ли свист, то ли гул. Это кочевники раскручивали арканы, один из которых и сдернул его с курганчика, как только он выпрямился. При этом прочно зафиксировав руки прижатыми к телу.

Когда говорят, что степь ровная, как стол, знайте: врут самым бесстыдным образом! Если тебя, беспомощного, волокут по ней на аркане, очень быстро узнаешь, что на поверхности множество холмиков, покрытых жесткой, режущей кожу травой, засохших до твердости обожженной глины комочков почвы, неведомо откуда взявшихся в степи камешков... и никакой возможности (конечно, если ты не супер-пупер-мен голливудской выпечки) выбраться из этого ужаса самому.

Видимо, степняки соскучились по развлечениям и появление новой игрушки решили обыграть на все сто процентов. Посему они первым делом не сумку бросились ревизовать, а занялись игрой с новым пленником. Впрочем, потом сумка была обнаружена притороченной к примитивному седлу одной из лошадок. Один степняк волок его на аркане, а остальные двое скакали рядом. Все трое весело перекрикивались явно на тюркском (татарском?) языке, громко ржали и временами залихватски посвистывали. Уже много позже Аркадий понял, что тягали его мастерски, осторожно, с минимальными шансами на серьезную травму у пленника.

Затем они решили сменить игру. Лошади остановились, и его попросили встать на ноги. Не словами, а меткими, очень болезненными, но также не наносящими серьезных травм, ударами нагаек. Он сильно пожалел, что снял полушубок, но сделанного назад не вернешь. *(Или, учитывая фантастичность ситуации? ...)*

Вы пробовали встать с привязанными к телу руками с земли? Не такое уж это легкое дело. Особенно если вас сдергивают обратно на землю под совершенно жеребьячий хохот, как только у вас что-то начинает получаться. Один Бог знает, сколько продолжалось это развлечение, но и оно степнякам наскучило. Аркадия подняли на ноги, набросив на него еще один аркан. Если первый сжимал его в районе талии, то второй захватил тело и руки выше локтей, на груди. Третий кочевник продолжал подбадривать попаданца нагайкой.

Следующим пунктом развлечения стало испытание Аркадия на разрыв. Один скот на лошади тащил его влево, другой – вправо. Вообще-то так вполне можно разорвать человека пополам. Не двумя мини-лошадками, но и они удавить человека могут без труда. Сволочи, сидевшие на лошадках, об этом прекрасно знали и действовали осторожно. Живой пленник стоил денег, которых у нищих пастухов не было.

Махавший нагайкой, видимо, решив, что на его долю развлечений достается меньше, чем надо, что-то своим друзьям скомандовал. Они опять дружно загоготали и прекратили тащить его в разные стороны, ограничиваясь теперь удержанием пленника в стоячем, но беспомощном состоянии. И тогда Аркадий очнулся. От того, что третий, соскочив с лошади, начал щупать его зад. Даже в бессознательном состоянии он сразу сообразил, что ему уготовано. Только изменить что-либо теперь ему было затруднительно.

Мысли забегали, как пришпоренные, ища выход из унижайшего положения. Но всадники твердо держали арканы, начисто блокируя даже тень шанса на освобождение. Половой разбойник тем временем вышел из-за спины и, откровенно издевательски скаля зубы, что-то произнес. Ростом он был Аркадию (зазор между землей и темечком ровно 191 см) по подбородок, широкоплеч, гнилозуб, немыт и жутко вонюч. Поиграв с пленником в гляделки, татарин полапал красивый, усеянный бляшками ремень, поцокал довольно, но расстегнуть сразу не смог. Озадаченно сделал шаг назад, рассматривая его. Чем Аркадий и воспользовался. Дикари, вероятно, не имели представления о возможности нанесения убийственного удара ногой. Аркадий вложил в удар все сохранившиеся силы, злость и отчаяние, попав носком кроссовки в самое уязвимое для мужчины место.

Тот даже закричать не смог, молча склонился, теряя сознание от боли, инстинктивно схватившись руками за место ушиба. Аркадий от души добавил носком другой ноги в удачно подставленную челюсть. Послышавшийся хруст прозвучал для него приятной музыкой.

«Этот ублюдок уже не только желать кого-нибудь не сможет, вряд ли вообще встанет. Хрустнула вроде бы шея, а не челюсть. По крайней мере, хочется так думать. Приятно, что с собой на тот свет хоть одного смог захватить. Жаль, не очухался раньше».

Пистолет он выронил еще на том курганчике, а двое других дикарей его к себе вплотную не подпустят, никаких шансов победить или убежать у него нет. Иллюзий о возможности одолеть врагов он не питал. Поэтому неожиданное ослабление натяжения слева и, тут же, справа стало для него приятнейшей неожиданностью. Негодяй справа опрокинулся спи-

ной на круп собственной лошади с торчащей из груди стрелой, оперенной серыми перьями. Другой из седла выпал и еще дергался, стуча по земле ногами. Аркадию приходилось видеть агонию, и это была она, родимая. Удивительно, но лошадь от умирающего хозяина не драпнула. Нетрудно было догадаться, что и его сразил не инфаркт миокарда. Аркадий pokrutil головой, ища спасителя.

«Стрелы сами по себе не летают, их человеческая рука выпустить должна. Или там эльфийская, если в мир фэнтези попал».

Искать долго не пришлось. Возникнув будто из пустоты, из воздуха (*лежа же из лука стрелять нельзя! Или все-таки можно?*), к нему подходил здоровенный казарлюга. В вышиванке, выглядывавшей из-под какого-то грязно-зеленого жупана, стиранных явно не в этом году не менее грязных шароварах, сапогах, не обнаруживавших знакомства с сапожной щеткой, с оселедцем и длинными, свисающими до груди усами. В руке он держал небольшой лук, хотя из-за пояса торчала рукоять пистолета. Старинного, естественно. Еще два пистолета виднелись у казака на бедрах, в кобурах непривычного вида. Разница с картинными запорожцами была не только в чистоте одежды, но и в степени бритости как лица, так и головы. Их покрывала модная в XXI щетина. Судя по ее пегости, казак был уже далеко не мальчик. Рассмотреть количество морщин на дубленой коричневой коже при слепящем глаза солнце было невозможно. Не говоря о бессмысленности такого дела – рассматривания морщин у мужика. По степени сомнительности внешнего вида сгинувшие татары выглядели, по сравнению с их убийцей, сущими младенцами.

О пользе вегетарианства

Все тот же полдень, 23 марта 1637 года от Р.Х.

Плохое настроение не покидало Ивана с самого начала этого дурацкого предприятия. Шли на святое дело, кстати, и наверняка прибыльное. И таились, будто занимались чем-то срамным. Объявили, что поход в Персию, на помощь шаху против султана. Нет, ничего против набегов за добычей к врагам православной веры он не имел. Чем, спрашивается, иначе казаку жить? На паперти подавание просить? Так если не калека, подавать плохо будут. И к персидскому шаху относился без предубеждения. Он поганой веры, конечно... но раз враг турок, значит, иметь с ним дела можно. Платит шах щедро, пограбить там опять-таки есть кого. В другое время, считал Иван – Сам Господь не против был бы похода на такое дело. Но сейчас, когда волнуется все Поднепровье, закипает Волынь, беспокоятся русские земли в Литве, готовы встать на бой с клятыми ляхами и казаки, и гречкосеи, отвлекать от святого дела освобождения Руси немалую силу было неразумно. А то и преступно. Даже для реальной цели похода, о которой в отряде не знал почти никто. Включая наказного гетмана, руководившего войском.

Иван невольно стиснул зубы, вспомнив, кто сумел пробиться в наказные гетманы. У них с чертовым вылулком Пилипом Матяшем была старая и сильная вражда. И его внезапная активность по организации похода в Персию поневоле настораживала.

«Если правдой были подозрения о связи Пилипа с иезуитами, то спрашивается: зачем им-то такой поход нужен? С турками-то у чертовых святош отношения были на зависть хорошие. Непонятно. Следовательно, ломать голову бесполезно. Надо иметь такие же вывихнутые, как у самих иезуитов, мозги, чтоб догадаться об их намерениях. Но самому придется спать вполглаза, ходить с величайшей осторожностью. Пилип, к бабке не ходи, попытается меня, лютого своего недруга, извести. Если не выйдет с первого раза, не поленился повторять попытки вновь и вновь».

Иван хмыкнул вслух и вызверился, что у него означало улыбку.

«Ну мы еще посмотрим, кто кого. Я тоже предпочитаю вспоминать о своих врагах, как о мертвых. Увидим, кому на чьих поминках пировать придется».

К расстройству характерника, казаки его собственного курения встретили предложение о походе в Персию с радостью. Получалось, что страдания селян их не так уж и волнуют, хотя добрая половина была из села и хлебнула лиха от панов.

Иван не хотел самому себе признаваться, но его задело – и весьма сильно – решение совета характерников отправить в этот странный поход именно его. Несмотря на возражения. Пилип, выбранный наказным гетманом, мол, хоть и немалый талант имеет, да легко с правильной дороги съезжает. Есть в нем какая-то гнильца. А тезку, Сирка, оставили в Запорожье. Хотя по возрасту он ему, Васюринскому, почти в сыновья годится.

«Боже милостивый, что ж это делается? Эх, нет в мире справедливости!» – пришел к «свежему» и «оригинальному» выводу казак. И решил развеяться, думы печальные разогнать. Поохотиться, добыть свежину, порадовать себя на обед молодым мяском. Побаловать брюхо, если с радостью для души не складывается.

День, что ли, задался для казака неудачный или по какой другой причине, но и охота окончилась бог знает как. Наткнувшись в погоне на следы татар, Иван без колебаний переключился на них. Плохое настроение требовало выхода, татары подходили для его выплеска куда лучше, чем невинная животина.

«Пусть живет и растет. Авось и мне на том свете это зачтется. А вот татарам жить после встречи со мной уже вряд ли суждено, – оскалился Иван. В такие моменты от него шарахались и опытные казаки, черта лысого не боявшиеся, но в этот раз свидетелей не было. А Черт под седлом, вороной, без единого белого волоска жеребец, нравом был под стать хозяину. Недаром на Запорожье про них, всадника и коня, ходили самые дикие слухи. Будто он, Иван, то ли настоящего черта где-то поймал и за необливание святой водой договор о службе в виде коня с ним заключил. То ли, встретив черта, под залог души в карты с ним сел играть и обыграл вчистую. Бедняге (нашлись сочувствующие и черту) пришлось даже к характернику под седло идти.

Иван ухмыльнулся в свои роскошные казацкие усы. Несколько раз после хорошей выпивки самой отчаянной храбрости казаки даже выпросить его пытались о подробностях договора с чертом. Слава Богу, никто не сомневался (*по крайней мере, вслух, попробовали бы...*), что свою душу он нечистому не продавал.

Он на все подобные вопросы прямого ответа не давал, отделиваясь междометиями и неопределенными жестами. Такие слухи его никак не позорили, да и характерникам в целом были полезны.

К татарам подъезжал шагом, чтоб не насторожить их шумом или пылью из-под копыт. Вплотную подошел, точнее, подкрался на своих двоих. Трех пастухов для себя он опасными не считал, но не хотел дать кому-нибудь из них шанс сбежать. Поймать в степи татарина – и для характерника не всегда посильная задача. Увлечение нехристей редким для них развлечением дало ему возможность подойти незаметно на уверенный выстрел из лука.

Тем временем события приобрели неожиданный оборот. Иноземец и заарканенный сумел отправить в ад (*туда ему и дорога!*) одного из своих мучителей.

Опасаясь, что оставшиеся покалечат свою, оказавшуюся опасной и в связанном виде, добычу, Иван упокоил обоих стрелами. Пришлось стрелять на убой, раненый мог удрать.

«Жаль, что пришлось убивать. Было бы любопытно порасспрашивать кого-то из них перед смертью о том, как в их руки этот подозрительный иноземец попал? И сравнить этот рассказ с его пояснениями. Бес знает, удастся ли выпросить досконально все у него самого».

Вместо молоденького тарпанчика с нежным мяском Ивану достался освобожденный из татарского полона подозрительный тип. Застрелив обоих оставшихся в живых татар, он не пошел немедленно к растерянному вертевшему головой человеку, а кинулся стреножить лошадей. К счастью, пусть не воинские, они были приучены не покидать своих упавших хозяев, бегать за ними не пришлось. А лошадь убитого пинком (*ох, добрый у иноземца удар!*) была стреножена покойным хозяином. Все это время Иван искоса, краем глаза, рассматривал бывшего пленника.

«Откуда здесь, в татарской степи, он мог появиться? Если бы кто ехал сюда из Польши, я бы об этом точно знал. Значит, из татар. Но почему оказался здесь один, став легкой добычей простых пастухов, даже для рядового казака не соперников? Потерял проводника? И зачем его сюда понесло, в дикое поле? Неужто какой ученый человек? Но для ученого он уж очень ловко ногами машет. С двух пинков насмерть татарина забил. Знаем мы таких ученых, иезуитской выпечки. Они, правда, больше саблей махать горазды, а не ногами. Но иезуит-то бы им не попался ни за что, даже сонный. Непонятно. А загадки в таком деле – недопустимая роскошь».

Тем временем чужеземец весьма ловко избавился от арканов, сбросив их на землю, подошел к убитому им татарину и плюнул ему на голову, произнеся что-то себе под нос. Казака он явно не опасался, что для иезуита было бы крайне неразумно – знали они, как к ним на Сечи относятся. А отказать этим чертовым выкорышам в уме не мог и их злейший враг. Например, сам Иван. Освобожденный же еще и пнул труп ногой, видно, татарин здорово успел ему чем-то досадить. Потом с удивленным восклицанием нагнулся и вытащил из-за

пояса трупа пистоль очень странной конструкции. Просто удивительной – ничего подобного Ивану видеть не приходилось. Но сразу было видно, ухватистой и удобной. Иван внутренне напружинился, опасаясь, что неизвестный попытается сразу же стрельнуть в него. Однако он повертел пистоль в руках и сунул себе за пояс. То ли не лелеял коварства, то ли знал, что пистоль не заряжен. Уж конечно, попал к татарину пистоль совсем недавно. Судя по ловкости в обращении с ним иноземца, у него покойник пистоль и забрал.

«Надо будет обязательно рассмотреть получше, может, еще что полезного изобрели».

Иноземец тем временем постоял немного над трупом, будто в чем сомневался, нагнулся и потрогал жилку жизни на шее покойника. Убедившись, что перед ним именно покойник (*не прост, однако, этот иноземец!*), он еще раз сплюнул на его голову и, распрямившись, посмотрел на Ивана. Никакого страха в его взгляде Иван заметить не смог. Скорее, любопытство и интерес. Будь он врагом, характерник бы это немедленно почуял.

Чем больше Иван присматривался к иноземцу, не спеша подходя к нему, тем больше возникало у него вопросов. Странная, никогда ранее не виданная одежда, а Ивану случалось ездить по Европе, ему было с чем сравнивать. Измазанная, помятая и подранная рубаха в клетку, сквозь дырки которой проглядывала какая-то безрукавная одежда, с большим чернильным пятном на груди (*видно пузырек с чернилами там был*). И когда-то, видно, дорогие, но уже изношенные до дыр, закрытых латками, вылинявшие, длинные, несуразно узкие голубые штаны. После татарских развлечений, тоже, естественно, грязные, лопнувшие по шву на правой ноге. В таких теперь на люди не выйдешь.

А бедняком незнакомец не был, судя по притороченной к седлу татарского коня сумке, здоровенной и, ясное дело, тоже необычной. И уж никак не дешевой. Высоченный, пожалуй, с самого Ивана ростом, но без обычной для высоких людей неловкости в движениях. С о-о-чень нетипичными мозолями на ВНЕШНЕЙ стороне кистей. Весьма сходными с мозолями самого Ивана. Но, опять-таки, как мог человек с такой подготовкой попасть в лапы пастухов? У них-то и луки были смехотворно слабыми, из другого оружия имелись разве что дубины и ножи. С такими любой воин справится одной левой.

«Неужто все-таки ехал с их стороны, с проводником, да остался без него? Татарам, известно, верить ни в чем нельзя. Все равно что-то здесь не то».

Иван подошел к иноземцу, строя в уме фразу, чтоб вежливо, но без подобострастия, на латинском языке. Читать-то он умел почти свободно, а говорить на латыни ему доводилось нечасто. Однако она не понадобилась. Тот, по-дурацки лыбясь, заговорил сам. На русском.

Загадок от этого меньше не стало. Скорее, они стали множиться (*как жиды вокруг прибыльного дела*). Например, Иван не смог опознать говор пришельца. Что-то вроде смеси полтавского с московским и еще каким-то, казаку неведомым. Видимо, на языке, иноземцу не родном, так как было заметно, что он подбирает слова, прежде чем их произнести.

Иван решил не тянуть кота за хвост. В отличие от большинства характерников, ломать над странностями голову он не любил. Воспользовавшись тем, что их глаза встретились, «надавил» на собеседника, сломил его волю. Ни мгновения не сомневаясь, что тот теперь в его полной власти. По силе характерничкой мало кто с ним мог сравниться, а уж по умению давить на собеседника так, пожалуй, никто. И сколько же раз он за последующие годы жалел, что черт (*а кто же еще?*) подтолкнул его разбираться с этими несчастными татарами, забери нечистый их души!

Невелик труд для характерника подавить волю обычного человека, можно сказать, плевое дело. Пусть обычным его можно было назвать с таким же основанием, как самого Ивана – турецким султаном. Иноземец оказался совсем не иноземцем, а человеком из далекого будущего. О чем он, по-прежнему с дурацкой улыбкой, сообщил характернику.

Иван был готов к тому, что иноземец окажется подсылом. Схватить его, выпытать все, обеспечить гаду длинное и нескучное расставание с жизнью он сумел бы. – *«Ну не позволять же иезуиту умереть легко и быстро? Боже Всемогуций, тебе ведь они, перевертни, тоже, надеюсь, противны?»*

Иван был готов, что иноземец окажется попавшим в беду безобидным ученым. Пораспрашивав его, он проводил бы беднягу в безопасное место.

«Но, бесы проклятые, пришелец из будущего...»

Нет, вы не подумайте, что Иван Васюринский – легковверный дурень, которого легко обвести вокруг пальца. Среди характерников дураков быть не может, а он был именно характерником. Не из последних, кстати. Кто усомнится, может на Запорожье поспрашивать. Хотя, грешным делом, когда услышал, что рассказывает Аркадий, ушам своим не поверил. Переспросил даже. Потом растерянно пытался обдумать невероятное известие, но в голове все перемешалось, ничего толкового сообразить он не мог. Даже стыдно стало от своей растерянности. Знал бы он, какой сумбур был в голове этого самого лжеиноземца еще недавно...

Хорошо, что у него с собой вещи из их XXI (да, не 75-го, как считает православная церковь, а XXI, по исчислению католиков) века. Мо-биль-ник. Малюсенькая коробочка с прозрачным (но не из стекла!) окошком. Вообще-то этот самый мобильник служил там для переговоров на расстоянии (ох как быгодились такие штуки и сейчас!), но мог и картинки снимать (снимать с чего? Правильнее было бы рисовать...). И запоминать. Картинки-то из этого самого будущего Ивана, будто вражеская дубина, по голове ударили. Поверил он этому Аркадию. Сразу поверил.

То есть сначала сам перекрестил, потом заставил перекреститься этого Аркадия. Посомневавшись, вытащил свой висевший на груди крестик (кипарисовый, из Иерусалима, в Иордане освященный) и потребовал поцеловать. Аркадий выполнил требование не задумываясь и от прикосновения к освященному кресту корчиться не стал. Сам вытащил из-за пазухи похожий крестик и похвастался, что куплен в Израиле, на Святой земле, освящен в Иордане. Святой воды с собой у Ивана не было, пришлось верить так.

Сел Иван на землю. Уставился невидящим ничего взглядом вдаль. Призадумался. Так и просидел немалое время, отключившись от всего окружающего мира. С кулешом в голове. Только закипающим в голове-казанке и неизвестно когда поспеющим.

«Черт меня на охоту понес! Мог бы и кашей поужинать. А ведь точно, тут без черта не обошлось!»

Что делать с этим, как он сам сказал, попаданцем, Иван не знал. Но дал себе клятву поймать сотворившего эту пакость беса и вбить в него все христианские истины. И прознай об этой клятве некоторые запорожцы, они своих знакомых чертей (в подобных знакомствах подозревалось немалое количество уважаемых казаков) предупредили бы о серьезной опасности. Они-то знали, что с клятвами Иван Васюринский не шутил. А знакомиться с христианскими ценностями в руках озверевшего запорожца... ну ОЧЕНЬ сомнительное удовольствие. Хотя верующему человеку жалеть нечистую силу вроде бы не полагается.

О неудобствах, проистекающих от акселерации и технического прогресса

Все тот же полдень и после, 23 марта 1637 года от Р.Х.

Казак при ближайшем рассмотрении имел внешность еще более сомнительную и вызывающую опаску, чем при взгляде издали. Такого ночью в переулке встретишь – сам без всяких просьб за кошелем полезешь. Еще будешь благодарить, что бить не стал. Вот только ощутимый запах трав, забивавший даже вонь застарелого пота, не гармонировал с внешностью.

«Неужели и в те времена мужские лосьоны или одеколоны существовали?»

Ростом с Аркадия, но шире в плечах (а они и у попаданца не узкие), с движениями, как у крадущегося Сигала, грубо вырубленной (наверняка из чего-то твердого) рожей самого разбойного вида, с пронзительными черными глазами. Аркадию сразу вспомнились рассказы о существовавших среди запорожцев колдунах. Под их прицелом у него мгновенно вылетели из головы скороспелые прикидки о том, кем бы ему стоило назваться. Начал вываливать, как на исповеди, все, о чем спрашивал этот казак. Речь полилась из прищельца, как полноводная река из большого озера. Да эта река быстро наткнулась на пороги непонимания. Оба как-то естественно перешли на русско-украинский суржик, но суржик казака существенно отличался от суржика Аркадия. То и дело приходилось пояснять, то одному, то другому, что имелось в виду, задавая вопрос или отвечая на него. Несмотря на предельную честность ответов Аркадия и удивительно толерантное (особенно поразительное, если видишь собеседника) отношение казака к невероятным вещам, ему сообщаемым.

Попаданца напрягали многочисленные полонизмы, латинизмы, проскакивавшие в речи предка. Но особенно старославянские слова и цитаты из Святого Писания (*в вопросах!*). Несмотря на бандитский вид, казак оказался весьма грамотным и начитанным товарищем. То есть паном (?). Беда была в том, что и области начитанности у собеседников были разные. Однако диалог продолжался, и казак, назвавшийся Иваном Васюринским (при представлении бросивший на него такой взгляд, будто он должен был знать это имя), к удивлению Аркадия, никаких признаков культурного шока не обнаруживал.

Мобильники его вроде бы не очень впечатлили, зато фотографии в одном из них поразили несомненно. Особенно фото подружки Аркадия в мини-юбке и топики самых что ни на есть экономных размеров. Вы будете смеяться, но мужик, несмотря на мулатного оттенка загар и густую щетину, сильно покраснел (*при такой-то дубленой коже!*) и явно смутился.

Они поговорили еще некоторое время, Аркадий даже вспотел, не столько от начавшего к полудню припекать солнца, сколько от усилий по формулированию своих мыслей. Пробрала наконец необычность ситуации и нового знакомого. Он прекратил свои расспросы и, сев по-турецки прямо на землю, призадумался.

Аркадий смог хоть немного расслабиться и привести свои мысли в порядок. И настроение его стало стремительно ухудшаться.

«С чего это я так разоткровенничался? Была ж мысль порасспрашивать местного товарища и, исходя из узнанного, придумать себе легенду. А я вдруг вываливаю на предка такие новости, свечу перед ним артефакты из будущего... Что это на меня нашло?»

Аркадий полез чесать затылок. В придачу он вдруг (*опять вдруг, все время вдруг*) сообщил, что так и не удосужился спросить, в какой год – да что там год! – в какой век его занесло.

«Получается... епрст, чертовщина треклятая получается! То ли у меня крыша поехала от треволнений, или там благодарности за спасение, – от такой несуразицы он невольно хмыкнул вслух, – или казак таки колдун. Гоголь ведь своего... как там его... вареникоеда не на пустом месте выдумал. Были среди казаков... э-э... как их... в общем, колдуны, чтоб им! Сирко там, Богун вроде бы. И у этого Васюринского взгляд... соответствующий. Будто, если захочет, прожечь им может. Как лазером. Или, – Аркадий снова невольно хмыкнул вслух, хотя смешно ему определенно не было, – бластером».

Аркадию захотелось присесть рядом с казаком, в ногах появилась неприятная, да и для мужика неприличная, дрожь в коленях. Но еще больше ему захотелось выпить. Коньячку, причем сразу целый бокал. Хрен с теми правилами хорошего тона, по которым любимый напиток надо пить небольшими порциями, вдыхая аромат и смакуя его. Впрочем, учитывая обстоятельства, очень хорошо пошла бы горилочка с перцем. И уж ее-то Сам Бог велел пить не кошачьими порциями.

Мечты, мечты... Не было у Аркадия ни коньяка, ни горилки с перцем, ни даже покупного самогона, который он никогда не употреблял внутрь. Оставалось надеяться, что казак, Васюринский этот, угостит пришельца для спасения нервной системы. Кстати, ему самому бы тоже не помешало принять на грудь. По тому же поводу.

«Выпить-то было бы, конечно, хорошо, да об этом сейчас глупо мечтать. Нету выпивки. Ну а что же делать с этим хреновым гипнотизером? Сделать вид, что не заметил? Так и дальше будет, как с болваном преферансным, обходиться. Начать качать права? – Аркадий глянул на сидевшего в позе лотоса казака. – У такого много не накачаешь. И еще не факт, что «ТТ» и бронезилет дадут серьезное преимущество перед ним в случае конфликта. По внешности легко определить – битый, опытный зверюга, этот Васюринский. Да и если его пристрелить, что дальше делать? Гребцом на турецкие галеры отправляться не хочется. И перспектива судьбы гаремного евнуха – не греет. С этим-то хоть договориться можно. Вроде бы».

Так и не определившись с линией поведения в отношении колдуна, Аркадий решил сам узнать, хотя бы приблизительно, в какое время попал.

«Ясное дело, не в XIX век и вряд ли в XVIII. Разве что в самое начало, да и то сомнительно. Татары в те времена уже так далеко от Крыма не забирались. Так, забирались или не забирались? – его взяло сомнение. Одно дело гордиться знанием истории, другое – вовремя вспомнить конкретные подробности. А именно от них и может у такого попаданца зависеть, уцелеет ли он или сгинет. – Хрен с ним, будем считать, судя по кремневому замку пистоля, не ранее середины XVI века, времен Вишневецкого, Байды, естественно, до начала века XVIII, Мазепы, чтоб ему... Скорее всего, где-то посередине. Веселые времена. Интересно, восстание Хмельницкого началось?»

Размышления Аркадия прервались сами собой. Пребывавший в йоговской медитации или ее подобию (с Буддой, правда, сравнивать его даже в шутку не хотелось), казак мгновенно преобразился в настороженного хищника. Прислушавшись к чему-то, слышному ему одному, запорожец приник к земле ухом. И то, что он там услышал, ему наверняка не понравилось. Иван вскочил, по-мальчишески заложил пару пальцев в рот и громко, с переливами, свистнул. В ответ раздалось конское ржание, и менее чем через минуту к нему подскочил здоровенный, под стать самому казаку, черный жеребец. Не смейтесь, но не менее бандитского, чем его хозяин, вида.

«В каком-то голливудском блокбастере я подобную сцену видел. Или не голливудском, а нашем? Черт, забыл, но видел точно. Значит, не во всем врут киношники. Хотя человеку, пытавшемуся смотреть «Гладиатор», в это трудно поверить».

– Татары! И, опасаюсь, в немалом числе. Нужно срочно уходить отсюда. Выбирай лошадь из вон тех, татарских! – закончил свое обращение Иван, уже сидя в седле.

«Легко сказать, «выбери», – топтался на месте Аркадий, не спеша бежать к какой-то конкретной лошади. – *Надо еще уметь выбирать*».

На лошадях, точнее, на спокойной гнедой кобылке, ему ездить доводилось. Как-то поддался моде и желанию своей очередной пассии, записался на курсы обучения верховой езде. Проходил на них с месяц, потом поссорился с девушкой, редкостно стервозной особой она оказалась, и расстался. С девушкой и с курсами заодно.

«Нда-а... сучкой редкостной Ларка себя проявила, но красива и горяча в постели...» – съехал мыслями на посторонний предмет Аркадий.

– Ты чего топчешься? На лошади, что ли, ездить не умеешь?

– Не то чтобы не умею совсем. Но умею не очень хорошо. Я ж тебе (*уж раз он на «ты», то я так же к нему обращаться буду*) рассказывал о самобеглых кол... телегах. Какая из них поспокойней?

– Вот бесовские козни! Садись на чалую кобылу.

– Э-э-э... какую?

– Вот чертовщина! Вон та, – показал Иван пальцем.

Кобыла, с точки зрения Аркадия, была не такой уж спокойной, прядала ушами, зло косила глазом, но опытному всаднику виднее. Чудом избежав укуса (*спокойная, как же!*) – выручил Иван, спешившийся для подмоги неожиданному товарищу, – Аркадий с его помощью взгромоздился в седло. И тут выяснилось, что стремяна для коротконового человека ростом в метр шестьдесят практически непригодны для неопытного всадника ростом за метр девяносто. А для их удлинения нужны шорные работы, на которые нет времени. Любой татарин решил бы такую проблему в пять минут. Пришибленный последними событиями человек из мегаполиса XXI века не пытался решить совсем. Тупо сел в седло и поскакал с теми стремянами, что были.

Скакать – это так, фигура речи. Опытным путем (по частоте падений Аркадия с лошади и связанных с этим остановок) установили, что передвигаться им рациональнее быстрым шагом. На рыси скорчившийся в непривычном (определенно не английском) седле Аркадий в лучшем случае смог продержаться около пяти минут. Вы будете смеяться, но он поначалу даже порадовался, что никто его в этой идиотской позе, «Паганель на ишаке», не видит. Потом ему такие мелочи стали безразличны. Оставалось утешаться тем, что при такой скорости они поднимают меньше пыли и, следовательно, с большей вероятностью могут избежать внимания татар.

К тому же попаданец, ошарашенный и дезориентированный последними событиями, проигнорировал разорвавшуюся штанину. Совершенно напрасно он это сделал. Даже представители великих цивилизаций древности, столкнувшись с необходимостью ездить на лошадях, стали поддевать под свои хитоны и тоги варварские штаны. Потому как без них скачка верхом быстро превращается в пытку, сопряженную с существенным нанесением вреда здоровью незадачливого всадника. И ведь нельзя, в данном случае, вспоминать пословицу: «Знать бы, где упадешь – соломку б подстелил». Читал он об этом, но... не вспомнил из-за свалившихся на его бедную голову неприятностей.

Следующие несколько часов – Бог знает, сколько, на часы он не смотрел – Аркадию запомнились как один из самых страшных кошмаров в его жизни. После второго падения отдал часы, выключенные мобильники и джипизэску Ивану, для лучшей сохранности. При чем проклятая кобыла и не думала возле него оставаться при его падениях, как перед этим возле мертвого хозяина. Пару раз нога Аркадия застревала в стремени, и кобыла убедительно ему демонстрировала, что татары-то его берегли, когда таскали по степи. Но, кажется, Бог озаботился в этот день защитой жизни дурака всерьез. По крайней мере, одного конкретного. Ивану каждый раз приходилось тратить время на поимку проклятой твари. Впрочем, от его жеребца у нее было шансов убежать не намного больше, чем у Аркадия на своих двоих от

нее. Удивительно, что он во время этих падений, Бог знает, скольких, ничего не сломал себе. К концу путешествия (непонятно куда) он уже с ностальгией вспоминал татарских ублюдков.

«Ну, подумаешь, убили бы. Зато быстро. И не было бы этого бесконечного мучения. Господи, Боже мой, когда же это кончится?!»

Кошмар закончился вечером, при свете заходящего за горизонт солнца. У Аркадия не было даже сил обрадоваться долгожданному сообщению.

– Приехали.

С лошади (*опять пыталась укусить!*) сполз на автомате. Ссыпался на землю и застыл в странной, если не сказать сильнее, позе. Ненадолго. Стертое с внутренней стороны чуть ли не до костей правое бедро¹⁰ и начисто отбитая задница уже не ныли, а жгли, будто их кто-то припекал самым натуральным огнем. Бедрa снаружи, локти, плечи, спина, затылок... также имели ушибы и ссадины, но куда менее болезненные. Весь многотрадальный организм требовал заботы, лечения и покоя. Разве что ласки, особенно активной, не хотелось. С кобылой... наобщался.

«И вряд ли скоро захочется, хватит с меня езды на лошади».

Аркадий несколько раз очень осторожно сменил позу, но легче от этого не стало. Растертые и ушибленные места продолжали гореть огнем и жечь похлеще, чем от крапивы. Выть от этого не хотелось только потому, что на выть не было сил. Да и не уважал он мужиков, склонных к жалобам. Шипел потихоньку, пытаясь найти положение, в котором бы боль была поменьше. Однако если тело – сплошной синяк и ссадина, это задача – практически неразрешимая.

Естественно, интерес к внешнему миру у Аркадия в этот момент существенно снизился. Что там делал Иван, не нагрянули ли татары, поляки, турки... пусть хоть зулусы с масаями, его не интересовало. Да хоть атака подводных лодок с воздуха, как раз место подходящее, не до них.

– Снимай штаны, посмотрим, что там у тебя! – Раздалось прямо над ухом, по традиции этого дня, неожиданно. – Не отбил ты яйца? Уж очень наклонялся в седле, нельзя так ездить.

И куда только делось безразличие? И откуда взялась энергия на подъем? Аркадий не вскочил, не способен он был сейчас на такие стремительные движения, но достаточно бодро встал и начал стаскивать с себя джинсы.

«Умеет человек найти нужные слова. Шшшш... его б... шшшш... политруком, или как там сейчас эта должность называется? Шшшш... Ууу! Чтоб... Больно как!»

Учитывая, что рана на ноге была обширной, а в придачу ее дополняло немалое число синяков и ссадин, Аркадий проявил удивительное мужество. Больно ему было действительно очень сильно. Оцените скромность и небольшое количество звуков, которые он при этом издавал. Хотя с перлами русского языка, позволяющими выразить свое неудовольствие чрезвычайно экспрессивно и точно, он был знаком хорошо.

Какая-нибудь кисейная барышня упала бы в обморок только от вида красно-синих ног Аркадия. С многочисленными потеками крови, синяками, ссадинами, кое-где очень глубокими. К счастью, девиц поблизости не наблюдалось, а и самого Аркадия, и его нового приятеля вид ран или ушибов, даже на собственном теле, давно испугать не мог.

Казак тихо, невнятно ругнулся себе под нос:

– Постой-ка. Нужно тебя полечить, чтоб нагноения в ранах не было.

---

¹⁰ Не случайно ВСЕ кочевники носят штаны; ерзанье по конской шкуре голой кожей в сочетании с воздействием конского пота привело к образованию на ноге язвы приличных размеров.

Пока Иван рылся в своем выюке, Аркадий проверил состояние всего, что прикрывали его трусы. Тьфу-тьфу, никакого существенного урона (синяк во всю задницу – не в счет) он не понес.

«Первая приятная новость за весь день!» – решил несчастный, но в данный момент немного счастливый попаданец. – Эх, знать бы про перенос, антибиотиков прихватил бы. Обидно будет сдохнуть от заражения крови. Да и не только антибиотиков».

Иван тем временем достал какой-то кисет и предложил прогуляться к ручью, возле которого они остановились. Где сноровисто обмыл Аркадию ноги, не обращая внимания на его шипение. А потом втер в кожу и местами в мясо какой-то пахнувший травами порошок. Сказать, чтоб процедура была непереносимой, Аркадий не мог, приходилось и более сильную боль терпеть, но лучше в психологическом плане ему не стало. Да и доверия к средневековым лечебным средствам у него не было.

Сделав нужное и важное дело, казак отступил назад, так сказать, полюбоваться делом рук своих. Судя по хмыканью, картина его не впечатлила.

– Господь не выдаст, свинья не съест. Может, и обойдется без нагноения. А вот штаны тебе надо сменить, твои и узки слишком на раны незажившие натягивать, и вид имеют стыдный. Дам тебе свои запасные. Да и рубаха твоя в клочья подралась, надо менять. А вот жупана запасного, извини, нет.

– За штаны спасибо. Рубаха у меня в сумке есть. А жупана мне и не надо. У меня есть в сумке джинсовка, ну, нечто вроде жупана, только короткого. А какой ныне год? От Рождества Христова, – сразу уточнил он, вспомнив, что в России до Петра отсчет вели от Сотворения мира.

– Одна тысяча шестьсот тридцать седьмой.

Аркадий мотнул головой, благодаря за ответ. Его догадки подтвердились. XVII век. А тридцать седьмой год (*а как звучит – тридцать седьмой год!*) давал простор для предсказаний на ближайшее будущее.

«Но вспоминать исторические факты буду потом. Сначала определяюсь с тем, что у меня есть».

Снимая рубашку, точнее, ее ошметки, по привычке лапнул карман. Шикарный (*и дорогуций, кстати*) «Паркер» приказал долго жить. Не перенес путешествия хозяина на татарском аркане. Широко размахнулся, собираясь выбросить обломки, однако в последний момент удержался. Нету в этом «здесь» таких штуковин, следовательно, в будущем могут пригодиться и обломки. Аккуратно замотал обломки в обрывок от рубашки и сунул в сумку.

В карманах джинсов обнаружил кошелек, содержимое которого теперь не представляло и нумизматического интереса. Не было еще ни независимой Украины, ни объединенного Евросоюза, ни даже Соединенных Северо-Американских Штатов. Глядя на сотку долларов, попытался вспомнить, были ли уже в это время поселенцы из Англии в Америке.

«Цветочек их вонючий определенно позже туда добрался. Но вроде бы они там и раньше были, негров на плантациях эксплуатировали... нет, не вспомню. Да и какое мне дело до предков пиндосов? Вот Колян, тот бы здорово обрадовался, что попал во времена, где их нет. А мне сейчас не до них. Свои проблемы бы разгрести».

Из полезного в карманах джинсов обнаружили: пластмассовая расческа, до краев заправленная зажигалка с фонариком (Аркадий не курил, но с зажигалкой не расставался), связка ключей (*эх, где теперь те замки, которые ими можно открывать...*), средней навороченности мультитул (*и где теперь набрать винтов под разнообразные отвертки? Их, скорее всего, здесь еще и выдумать-то не успели*), носовой платок сомнительной свежести (*генетиков XXI века сопли века XVII-го определенно заинтересовали бы. А вот здесь, в XVII, сопли из века XXI могут заинтересовать разве что колдуна. Мне это нужно?*).

Аркадию оставалось только позавидовать литературным героям. Многим для упрочнения их положения на новом месте авторы подбрасывали куда больше имущества.

«Могло бы быть хуже, но вряд ли намного. Сколько полезных вещей легко прихватить бы мог, если бы знал... «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи».

При надевании казацких штанов, идеально подошедших по длине, но ужасавших своей необъятностью, обнаружил и на них две пришитые прямо к штанинам кожаные кобуры. Для «ТТ», к сожалению, непригодные.

«Надо же, не одни ковбои с ганфайтерами ценили наличие готового к выстрелу оружия. Вот вспомнить бы, как делали гремучую ртуть или что-то подобное... Читал же в «Энциклопедии порохов и взрывчаток», склеротик хренов! На револьверы, пусть с патронами из черного пороха, здесь будет бешеный спрос».

Ужинать с казаком Аркадий отказался. И дело даже не в том, что его вяленое мясо и сухая лепешка ему не глянулись. После полного треволнений дня есть не хотелось совершенно. Костер разжигать из осторожности не стали. Легли так, благо даже возле ручейка комарья не оказалось.

Казалось бы, после тяжелейшего дня, ты замучен скачкой, стоит завалиться на траву, никакие синяки и ссадины тебе заснуть не помешают. Ага... Сон если и разбежался, то для того, чтобы удрать куда-то прочь. Усталость, тяжесть в голове, боль в разбитом теле были. А сна – ни в одном глазу.

Лежать на куче веток при таком количестве ушибов крайне неудобно. Причем чем больше лежишь в одном положении, тем сильнее допекают попавшие под давление ссадины. Но и ворочаться – тоже не сахар. Каждое движение отдается болью, хоть подвывай. Попытался Аркадий сесть, тут же запротестовала задница. Лег на пузо – заныли колени. Трындец.

«Попадись мне эти Конюшевские, Горелики, Махровы и прочие... разные всякие! Я б им... сказал, что об их выдумках думаю. На оскорбление действием, к сожалению, все равно сейчас не способен. А жаль!»

Ночь коротка Но ее еще надо пережить

Ночь с 23 на 24 марта (березня) 1637 года от Р.Х.

Прошло немало времени с момента, когда Иван узнал удивительную новость. Но вот обдумать ее хорошенько у него не получалось.

«Да что там, о...ительную! Невероятную, необыкновенную... слов нет, какую... сказочную. И что? Как образовалась в голове каша, так там и остается, недоваренная, никак поспеть не может. Ничего толкового эта самая голова выдумать не может. Так, может... тьфу, прицепилось... э-э-э... в общем, ничего толкового выдумать не получается. Наверное, прав был совет характерников, когда отправлял меня в этот дурацкий поход. Ни на что, кроме как присматривать за придурком Пилипом, я не годен. Слаба оказалась головушка».

Весь путь от места встречи с Аркадием Иван пытался придумать что-нибудь толковое, нужное православным, казакам, характерникам... и все свои задумки сам же и опровергал. Ему было ясно, как... в общем – совершенно ясно, что перед ним и казацким товариществом открываются потрясающие перспективы. Но какие? Непонятно было, что же делать дальше?

«Оставить отряд и двинуться назад вдвоем? А казаки из отряда? За Пилипом таки догляд точно не помешает. И бросать порученное дело – нехорошо. Разворачивать весь отряд? Так не повернут, на поход настроились. И правду ведь им, пока совет характерников не решит, не скажешь. Вот бесовы козни!»

Решил было, что голова плохо соображает, потому как надо следить за все время падающим с лошади иновременником, одновременно наблюдая, нет ли вокруг какой опасности. К счастью, татары, приближение которых он почуял по сотрясению почвы задницей (у доброго воина и задница – тоже важная для выживания часть тела, врагов издали чующая), на перемещение по степи двух всадников, точнее, четырех лошадей, внимания не обратили и преследовать их не стали. Хотя, Иван это хорошо понимал, заметить передвижение наверняка заметили. Уберег Господь от опасности, потому как ускакать от татар с таким всадником, как Аркадий, невозможно.

«Вот спрашивается, на меня нашло, что я, наблюдая за его падениями, не остановился для изготовления новых стремян из аркана? Благо их нам только трофейных три штуки досталось. Да и у меня свой имеется. На ходу бы вмиг их вчерне смастерил! А теперь гадай, сможет этот... Аркадий сам ехать на лошади или придется его завтра к лошади привязывать? Не-ет, точно тут без чертовых козней не обошлось. Ох, попадется этот черт мне в руки...»

Но и в ночной тиши ничего путного в голову не лезло. К тому же Иван понял, что толком ничего у Аркадия и не узнал. Уж очень удивительной была сама новость. Возможно, какие-то супергерои и могут спокойно переносить футур-шок. Но ни Иван, ни Аркадий к подобным личностям не относились. И впали на некоторое время в состояние изумления. Слабаки от такого испытания могли бы сойти с ума. Но и сильным людям нужно время, чтоб освоиться с удивительными обстоятельствами. Даже если такое чудо происходит не с вами, а рядом. В слабости Ивана не обвинил бы никто. Однако освоиться с происшедшим он сразу не смог.

«Надо расспросить его сейчас, все равно болячки ему спать не дадут. Вот поговорим, может... тьфу! Виднее будет, что дальше делать. Без всяких «может» не может!»

* * *

«Не верь, не бойся, не проси» – эта вычитанная давным-давно фраза служила Аркадию, как он думал, девизом для построения жизни. Хотя призадумайся он над своими поступками, то обнаружил бы досадное от фразы отступление. Не верить-то он давно никому не верил. Просить, действительно, сильно не любил. А вот насчет боязни... Мало быть храбрым физически, не бояться идущего на тебя отморозка с ножом или компашки пьяных юнцов ночью в парке. Надо еще не бояться жить. А с этим у него были некоторые проблемы. Испытав в юности несколько болезненных предательств, он с тех пор боялся верить. Поэтому к своим тридцати с гаком у него не было ни настоящих друзей, при множестве добрых приятелей, ни семьи, хотя на невнимание женщин к своей персоне пожаловаться не мог.

Новая глава в его жизни началась также крайне неприятно. Дело даже не в татарах. Их он, как всякий нормальный русский, считал врагами, соответственно, враждебные действия по отношению к себе – естественными. Отбил, пусть с чужой помощью, ну и ладно. Но гипнотическая, или там колдовская, черт их, колдунов, разберет, атака на своего без малейшего (в чем Аркадий заблуждался) повода... Такой поступок новоявленного спутника, пусть и спасшего его задницу, Аркадий воспринял как предательство. И обиделся на него всерьез.

Не случайно появилась в народе поговорка: «На обиженных воду возят». По-детски острая обида полностью блокировала способность к мышлению. Без того весьма скромную из-за событий прошедшего дня. А необходимо ведь было продумать линию поведения по отношению к этому самому колдуну, его сотоварищам; колдуны (*о! характеристиками их называли*) на Запорожье вроде бы имели свою организацию. Надо с ним же (*а с кем еще?*) определиться, что говорить остальным казакам. Что – старшине. В свете грядущих событий стоило прикинуть, для начала одному, потом вдвоем, что делать дальше.

Температура в степи, днем вполне комфортная, падала. Зато внутренняя температура у попаданца поползла вверх. Сказались раны и тревожения. Его стало знобить, и чем дальше, тем сильнее. Подрожав немного, он преодолел лень и страх перед движениями, непременно отдающимися болью, полез в сумку. С помощью фонарика нашел там старые, растянутые и линялые трикотажные штаны, байковую рубашку в пятнах машинного масла и поддел их. Для чего пришлось снимать рубаху и шаровары, шипя и матюгаясь вполголоса. Поверх рубах натянул джинсовку, бронежилет и полушубок. В придачу накрылся лошадиной попой, насквозь провонявшей конским потом. Однако и такая серьезная для весны упаковка помогла далеко не сразу. Видимо, температура скакнула всерьез. И рассчитывать на медицину XXI века не приходилось.

На мучения Аркадия сверху смотрели звезды. Яркие, бесчисленные звезды ночного южного неба. Несравненно более многочисленные и заметные, чем появляющиеся в небе своды задымленных мегаполисов. Попаданец на них внимания не обращал. Не до них ему сейчас было. Как и не до восхищения необыкновенно чистым, живительным воздухом, невозможным для степи в индустриальной Украине.

Невдалеке раздалось дикое ржание, здорово смахивающее на вопль от боли. Аркадий неосторожно, позабыв о болячках, дернулся и в который раз зашипел от боли.

– Не бойсь, это мой Черт кобыл уму-разуму учит. Показывает им, кто в табуне хозяин.

– А он их не покалечит? Уж очень сильно кобыла кричала.

– Не-е. Потреплет немного, это да. А калечить зачем? Они ведь не в бою встретились. Теперь он их своими считает.

Боль не унималась, и Аркадий, преодолевая нелюбовь к попрошайничеству, да еще у неприятного ему человека, попросил болеутоляющего.

Казак (*точно колдун, в смысле, характерник*) показал свою продвинутость, сразу поняв, что у него просят. Но отказал:

– Давно сам бы предложил, да вот беда, с собой у меня нужного зелья только на один раз. А нам завтра кровь из носу дальше ехать надо, к своим. Без снимающего боль зелья ты ехать не сможешь.

Как ни хотелось Аркадию избавиться от мучившей его боли, с аргументами собеседника он был вынужден согласиться. Действительно, какой завтра из него ездок без болеутоляющего?

Ясное дело, что поспать при таком обороте ему не удастся. Чтоб не мучиться от боли, не имея даже возможности подумать, он предложил Ивану поговорить. И тот охотно откликнулся.

В ответ на вопросы Ивана начал рассказывать, что помнил. А помнил немало. Разговор получился трудным. Очень тяжело было удержаться на одной теме. В результате от вопросов для уточнения, неожиданно для обоих, разговор стал перескакивать то на скорость транспорта XXI века, то на важность авиаударов при штурмах укрепрайонов, то, не смейтесь, на женские моды. Заодно обсудили и женский вопрос. Быстро сошлись на мнении, что, независимо от века, все бабы – стервы. Хорошо, что на Запорожье их нет. Да только совсем без них тоже не обойтись, против природы не попрешь.

Поначалу сильно мешала языковая проблема. Но «терпение и труд – все перетрут». Постепенно они начали все лучше и лучше понимать друг друга. Иван запоминал некоторые словечки из будущего, но прежде всего перестраивался под язык предков Аркадий. Он был рад возможности отвлечься от чрезвычайно неприятных ощущений, так донимавших его перед этим. Беседа делала боль куда менее сильной, а порой, к сожалению ненадолго, о ней забывалось совсем.

На первых порах Аркадий рассказывал, а Иван слушал, то и дело задавая уточняющие вопросы. Как-то так получилось, что поначалу обсуждались грядущие события на Украине и в России (за исключением отвлечений). Кстати, Иван был неприятно удивлен этим названием и расколом единого русского народа, к которому он себя причислял. Выслушав о первом президенте Грушевском и измышленных им по заказу австрийков – врагов русского народа – «древних укров», он искренне пожалел, что нет у него возможности добраться до этого пана. Мол, он, Иван, с удовольствием побеседовал бы с ним. И не один день. Аркадий вспомнил, как выглядит Иван, и решил, что, будь у него самого такая возможность, он с энтузиазмом способствовал бы этой встрече, но на «беседах» предпочел бы не присутствовать. Запах горелой человеческой кожи и вид вынимаемых из живого человека кишок – удовольствие на любителя. Известием же, что во времена Аркадия в казаки рядятся и униаты, Иван был просто шокирован:

– Униаты проклятые в казацкой одежде?... Это же... мы ж их давим, как только можно. Ну слов нет.

– Ага, слов нет, одни выражения, и все – неприличные.

– Да разве можно этих падлюк приличными словами называть?!

Вышел разговор и на тему перемещения во времени. Аркадий рассказал, каким образом попал в прошлое. Иван сразу понял, о каком курганчике ему рассказывает пришелец из будущего.

– Удивительно, что ты его смог вообще копнуть. Он же сильнейшим заклятьем оберегаем. Ни один человек в здравом разуме ни за что в жизни там копать не станет. Не захочет!

– Да и я не решался. А потом вот вдруг осмелился. Может, заклятье этого чертова колдуна ослабло?

И тут Иван стал убеждать Аркадия, что там лежит не злой колдун, а добрый характерник, только более сильный и древний. В остальном такой, как он сам, Иван, хороший. Ладно, что в этот момент Аркадий ничего не ел и не пил. Точно бы поперхнулся. Представить, что кто-то может принять Ивана за доброго человека, Аркадий не мог. Хотя фантастику любил и сам уже попал в чисто фантастический сюжет. Путем осторожных расспросов Аркадий выяснил, что Иван считает себя доблестным рыцарем, защитником угнетенных, борцом за истинную, православную веру, русским воином без страха и упрека. А что основными занятиями у него являются грабеж, убийства (включая женщин и детей), работоторговля (богатых пленников держали ради выкупа, бедных убивали или продавали), так жить-то как-то надо? И каким образом, спрашивается, защищать своих, если не уничтожать чужих? Аркадий диспута по этому вопросу затевать не стал.

Когда история ближайших грядущих лет была изложена, оба единодушно решили, что сам Бог велел попытаться ее переделать. Даже начали прикидывать, в каком направлении. Здесь-то и высветилось для Аркадия, что Иван участвует в походе в Персию, на помощь шаху против султана. О реальных целях похода Иван сдуру решил пока промолчать. Забыл, с кем говорил.

Прочитанный в свое время тайм-лайн Сварги об Азове не произвел на Аркадия впечатления. Сколь многих бы реальных исторических личностей автор там ни вставил, вещь показалась ему ненатуральной. Наши все белые и пушистые, враги – тупые и ленивые... Очередная сказочка про внезапно помудревшего царя, в реале – совершенного ничтожества и сплошь вдруг обнаруживших гениальность русских воевод. Но, спасибо Сварге огромное, история совершенно удивительных взятия и осады Азова, победы казаков над огромной турецкой армией ему запомнилась. Заинтересовавшись темой, Аркадий прочитал несколько первоисточников и статей о тридцать седьмом и сорок первом годах в Азове и вокруг. Не то чтобы недавно, но кое-что помнил.

Иван опять (!) попал в неприятное положение. Рассказывать о планах характерников без решения совета он не мог. О них большая часть старшин Сечи не знала. Только самые надежные были извещены. Да и то, в дело встрял крайне сомнительный Пилип Матьяш. Но рассказ попаданца его очень заинтересовал. Оставалось пожалеть, что память у него дырявая и многое из самого важного попаданец, сам так назвавшийся, не помнит.

Обговорили то, что он запомнил. У Аркадия, кстати, было несколько идей по минимизации потерь казаков при этом действе. Часть их Иван сразу забраковал как завиральные, часть попросил разъяснить и признал заслуживающими внимания.

Набравшись к утру смелости, поднял Аркадий вопрос и о неэтичности гипнотизирования своих. Слова «гипноз» Иван не знал, но от этого действия отпираться не стал, а принялся оправдываться. Мол, не знал, что свой, думал – иноземец, да еще подсыл-иезуит. Своих же характерники никогда воли не лишают, им бы этого не простили, никакое колдовство не спасло бы. Аркадий предпочел не заострять вопрос далее, взял только слово, что больше Иван его гипнотизировать не будет. Никогда. Ну не предусмотрел он тогда, что вскоре сам будет просить помочь извлечь из собственной памяти сведения то о ружье Фергюссона, то о клиновидном затворе для казнозарядной пушки. Прав-таки был английский шпион, рекомендовавший: «Никогда не говори «никогда». Действительно, многому можно поучиться у проклятых бриттов.

О необходимом количестве мудрости

Утро 24 березня 1637 года от Р.Х.

Хотите – верьте, хотите – нет, но после бессонной, далекой от комфорта ночи Аркадий утром чувствовал себя куда лучше, чем накануне вечером. А уж после приема какой-то липкой гадости, скорее всего, разновидности опиума или чего-то подобного, стал ощущать себя соколом добрым, молодцем быстрокрылым (или кем-то типа того). В общем, все проблемы стали незначительными и легко решаемыми, Иван стал казаться симпатичным, его Черт – игривым и ласковым (!!!), жить стало веселее... И с кобылы он теперь не падал, при новых-то стременах. Ну, почти не падал. Пара раз – не в счет.

Говорят, что утро вечера мудренее. Наверное, правильно говорят. Вот и уже ставшие закадычными друзьями Иван и Аркадий, сумевшие за ночь немного навести порядок в собственных головах и начавшие строить воистину наполеоновские планы, ощущали себя куда более умными, чем накануне вечером. Правда, возможно, недаром говорят, что в большой мудрости много печали.

Благодаря новым стременам (или встряске, полученной кобылой ночью от Черта, зримым следом которой был свежий след от укуса на ее шее), Аркадий решился на спокойную рысь и, за исключением пары досадных моментов, достаточно уверенно держался в седле. Пусть и ни разу не английском. Иван скакал (да-да, на этот раз именно скакал, а не плелся шагом) рядом, расспрашивая нового товарища на ходу.

Обычно людям, находящимся в столь разном состоянии – Иван-то наркотиков утром не употреблял, общаться затруднительно. Но казаку так хотелось поскорее узнать о многом, что заметной неадекватностью товарища он решил пренебречь. В крайнем случае можно потом переспросить.

Аркадий заливался соловьем, позволяя себе делать пояснительные жесты руками, из-за которых и навернулся пару раз. Кобыла, кстати, уже бежать от нового хозяина не пыталась, косила глазом на Черта и стояла как вкопанная, пока новый хозяин вставал с земли и громоздился в седло. На цельности, последовательности повествования это не сказывалось совсем, так как никакой цельности, как, впрочем, и последовательности, не было и в помине. С одному ему ведомой логикой переходов Аркадий перескакивал со сплошных бед отечественной истории на долбаную политкорректность, потом на эволюцию военно-морского дела, с которой, естественным для него в нынешнем состоянии образом, съезжал на проблемы загрязнения окружающей среды.

Так и ехали, от места ночевки до обеда. Соединять пространство и время уже наши предки умели. Вот на дневке-то, не смейтесь, именно Аркадий обнаружил погоню. Нет, не в цейссовский бинокль, а куда более надежным инструментом, таким же самым, что накануне Иван. Пока Иван ухаживал за лошадьми, Аркадий присел на землю, не в лотос, правда, и ощутил некие вибрации. Наверное, расторможенное сознание сработало. Или повышенная, в силу известных обстоятельств, чувствительность седалища. Недолго думая, приложил ухо к земле и услышал характерный топот конницы. По крайней мере, он так решил, потому как до этого случая слушать землю ему не приходилось.

Иван, послушав землю сам, догадку Аркадия подтвердил. И, с точки зрения попаданца, совершенно напрасно беспокоился. Даже в лице переменялся, сменив свое обычное выражение свирепого хищника на выражение хищника, сильно обеспокоенного. Вам никогда не приходило в голову, что в угол не стоит загонять не только крысу, но и крупных хищников? Аркадию вот пришлось. При виде переменявшегося в лице Ивана.

И он поспешил успокоить друга, предложив устроить на проклятых татар засаду. Напомнил ему, что в сумке лежат два «ППШ» с вполне достаточным для одного боя запасом патронов. А за поясами у них «тэтэшки». Тоже, кстати, не без патронов.

Ах да, автор забыл проинформировать, что ночью был разговор и об оружии, которое оказалось при попаданце на момент перемещения во времени. О трех пистолетах «ТТ» и двух пистолетах-пулеметах Шпагина. Все в пристойном, годном к употреблению по назначению состоянии.

Решив, что если колдуны и отличаются от нормальных людей, то не в любви получать подарки, Аркадий тогда торжественно подарил новому товарищу один из пистолетов. А утром первым делом Иван его опробовал, расстреляв один магазин. И очень остался подарком доволен.

В бой с превосходящими вражескими силами Иван не рвался, но с предложением Аркадия согласился. Хоть и передвигался с утра Аркадий куда более бодро, чем накануне, но не настолько, чтоб от татар уйти. Собственно, уйти в степи от татар могут только опытейшие всадники на великолепных лошадях. Если им повезет. Будь у Ивана возможность переправить попаданца к совету характерников, пусть даже пожертвовав своей жизнью, он бы не колебался ни единого мига. Пожертвовал бы. Уж очень большую, огромную ценность тот представлял. Но таких возможностей у него не было. Путать следы было заведомо бессмысленно, в своей степи татары легко распутают все уловки. Посему оставалось драться.

Место для засады искать не пришлось. Невдалеке, прямо по курсу следования, стоял большой курган с каменной бабой на вершине. Вот за ним и занял позицию Аркадий, после клятвенного обещания излишне не высовываться, вести стрельбу осторожно. А сам Иван, прогнав лошадей дальше, в балку, чтоб их татары не могли выглядет, собирался занять позицию в небольшой ложбинке за курганом. Слава Богу, местность эту он знал. Стрелять решили: Аркадий из «ППШ», а Иван, в связи с полным незнанием возможностей автоматического оружия, из своего нового пистолета, перезаряжать который он уже научился. Двух запасных магазинов ему на бой должно было хватить, но, на всякий случай, Аркадий дал ему все запасные магазины, в числе семи штук, оставив себе только один, в пистолете.

Чтобы не привлечь к себе внимания отблеском от линзы бинокля – татары двигались с юга, – Аркадий позволил себе глянуть на них один раз, с большого расстояния. Как и предсказывал Иван, преследовал их всего десяток всадников, правда, все одвуконь и, даже издали видно, воины, а не нищие пастухи. Здесь, в своей степи, за двумя беглецами большее количество, по логике, слать и не стоило. Откуда ж знать отдававшему приказ мурзе, или кто там его отдавал, что в сумке у Аркадия есть сюрприз для погони? И вряд ли приятный.

* * *

Иван галопом отогнал лошадей в балку, мигом спутал ноги кобылам; Черта путами он никогда не оскорблял, знал, что никуда от него верный конь не убежит и никого чужого на себе не потерпит. Затем бегом бросился назад. Успел к нужной ложбинке в самый последний момент. Отдышаться еще не успел, а вдали появились татары. Как он и предвидел, десяток воинов. Шли размашистой рысью, уверенно держа след.

Казак вытащил свой новый пистоль, душой радуясь такому приобретению, пусть и патронов, как предупреждал Аркадий, хватит ненадолго. А как удобно он в руке сидел! Как будто для нее и сделан был!

«Ничего, насыду хорошенько на него, вспомнит секрет этого бездымного пороха как миленький. С оружием под него, да самозарядным, мы вмиг всех врагов перебьем!»

Выждав, когда передний всадник доскачет до намеченного им заранее места, Иван устроился поудобнее, задержал дыхание и стал не спеша расстреливать погоню. Вось-

мью выстрелами ссадил пятерых, еще двоих подранил, один выстрел пришелся в небо, не вовремя нагнулся татарин. Его, впрочем, этот промах не спас. Расстреливаемые из непонятного, не выдающего себя дымом оружия, кочевники растерялись.

А прийти в себя им не дали. С кургана, мимо которого татары только что проскакали, раздался неслыханный ранее здесь стрекот. Будто огромная, неведомо откуда взявшаяся цикада короткими, в два-три такта, трелями дала о себе знать. Ссаживая татар с лошадей не менее эффективно, чем сам Иван. Характернику даже не понадобилось стрелять еще самому. Что было очень удачно, так как он в запале боя не сразу вспомнил о необходимости передернуть затвор после смены магазина. Останься хоть пара поганых живыми, нашпиговали бы его стрелами, как Бог ежа иголками. Судя по одежде, в погоне участвовал десяток из личной сотни одного из мурз. Иван догадывался, какого. Стрелять такие людоловы умеют очень хорошо. Оставалось порадоваться, что и в нынешнем состоянии Аркадий не потерял головы и вел бой правильно. Значит, точно не врал, что воевать ему приходилось.

Иван наконец справился с изготовкой новой своей любимой игрушки к стрельбе и вылез из лоцины. Еще совсем недавно живые и распаленные погоней, десять человек и одна лошадь, задетая выстрелами с кургана, лежали мертвыми. Остальные лошади еще стояли или кружили невдалеке от погибших хозяев, грех было не воспользоваться случаем и не прибарахлиться. Казак, как известно, с добычи кормится. Иван свистнул, подзывая верного Черта, беспокоясь, как бы лошади, без того испуганные, не побежали обратно в степь. Времени на их вылавливание не было совсем.

Поймать удалось всего семерых. Не без помощи Аркадия, оравшего и улюлюкавшего, загоняя лошадей на Ивана. Остальные ускакали (*эх, будь у меня время...*) на юг. Казак, вздыхая по утраченной добыче, сноровисто обыскал трупы, дорезал еще подававших признаки жизни, все собранное (*мелочь, конечно, мурз среди убитых не было, но доброму хозяину любая мелочь сгодится*) распихал по выюкам, быстро подогнал лошадей из лоцины. Не задерживаясь на поле боя, теперь уже боевые товарищи поспешили дальше, на северо-восток, к своим.

Куда, в походный лагерь запорожцев, к вечеру и добрались. Появление отлучавшегося куда-то характерника со спутником никого не удивило, да и внимания к себе особого не привлекло. Трусов среди запорожцев не водилось, выбывали по естественным причинам, но интересоваться делами характерников там было не принято. Все знали, что колдуны очень не любят, когда кто-то сует нос в их дела. А к характерникам в Запорожье относились... Скажем так: сложно относились. Но с большой долей уважения и еще большей опаски. Посему наглый интерес к приехавшим исключался. Идиоты, понапрасну рискующие головой, среди казаков не задерживались. Необычный акцент новичка также никого не удивил: среди запорожцев кого только не было, от шотландцев до армян и персов.

Об ощущениях Аркадия при отходняке от болеутоляющего по прибытии в казацкий табор лучше и не вспоминать. С мукой суждено входить в мир человеку. Он, попавший в новый для себя мир, ее, муку, и получил.

Глава 2

О новый, дивный мир

24 березня 1637 года от Р.Х.

Сослаблением действия Иванова зелья радость и веселье, переполнявшие попаданца, стали таять, как снег на жарком солнце. Зато ушедшая было боль стала стремительно отвоевывать временно утерянные позиции. Аркадию становилось все хуже и хуже. К его счастью, ослабление это началось всего за полчаса до прибытия в лагерь запорожцев, так что доехал, скрипя зубами и поминая всех, кто вспомнится, злым (пусть и несправедливо) и обидным словом. Мучения возвращались. Сторицей. По крайней мере, так Аркадию казалось.

Проходя по лагерю, он, несмотря на это, жадно оглядывался. Запорожцы были для него легендой. Правда, даже из учебников легко было уловить, что личностями в большинстве своем они были неоднозначными. «Лыцари степови», проще говоря, пиратское братство Северного Причерноморья. Забавно, но и негодяи Карибского моря звали себя джентльменами удачи. Что поделаешь, родственные души.

Выглядели запорожцы внушительно. Нет, не ростом: таких высоких, как Аркадий с Иваном, судя по первому впечатлению, было немного. Несколько казаков имели вид акселератов (*странно, однако, акселерации еще нет, а некоторые спешат тянуться к небу*). Большинство были от 165 до 170 сантиметров. Помимо привычных хохляцких физиономий бросался в глаз немалый процент рож с северорусской, азиатской, кавказской и балканской внешностью. В общем, очень похоже на современный мегаполис, в котором он сам родился и вырос.

«Похоже-то похоже, да и какое-то отличие есть. Не только в одежде. А уж вонища¹¹ от них... слов нет. Не в одежде и отсутствии женщин дело».

Аркадий жадно рассматривал все вокруг, позабыв на время и собственные болячки. Казаки вели обычную лагерную жизнь. Ели, спали, общались друг с другом в больших компаниях и один на один, дружно гоготали над чьими-то шутками, перемещались по лагерю в нужное им место...

«Странно даже, я всех внаглую рассматриваю, а на нас с Иваном никто внимания не обращает. Будто все в упор нас не видят, хотя спина аж чешется. Взглядами скоро там дырок насверлят. Значит, не хотят показать, что заинтересовались приездом колдуна с каким-то неведомым типом, то есть мной. А на трусов они точно не похожи. Очень уверенными в себе людьми смотрятся».

У Аркадия возникло ощущение, что он попал в большую волчью стаю на привале. Все ее члены заняты своими делами, никто на пришельца не обращает внимания, но стоит чему-то случиться, от него в миг не останется ничего, кроме самых крупных костей скелета и обуви. Обгрызенных.

Подтверждением такого мрачного впечатления послужили два окровавленных и, сразу видно, до предела измученных человека, привязанных к задам двух стоящих рядом телег.

– Это кто?

---

¹¹ Уже потом Аркадий узнал, что запорожцы пропитывали свою одежду какой-то гадостью на рыбьем жиру, для защиты от насекомых.

Иван от вопроса скривился, будто укуса вместо горилки хлебнул:

– Содомиты. Три дня назад их застали за стыдным делом, теперь вот таскаем за собой, казнить некому.

– А что с катом случилось?

– Каким катом? Среди лыцарей ката не может быть!

– Э-э-э... а кто же тогда их казнить будет? Или так и будете таскать за собой, пока не помрут?

Иван объяснил Аркадию, что преступников у них казнят другие преступники. Вот кто-нибудь проштрафится по-крупному, он и казнит содомитов. Повесит их или на кол посадит. Обычно пойманных на однополой любви в Запорожье вешали. И будет ждать, когда появится следующий претендент на повешение или присаживание на кол. Впрочем, на кол сажают или в воде топят редко.

Аркадия такая решительность в борьбе с неправильной ориентацией весьма впечатлила.

– Слушай, ты мне сегодня краткий курс о законах запорожцев прочитай, чтоб невзначай в неприятности не влипнуть.

Иван явно встревожился:

– Ты, что... тоже... этим грешишь?

Аркадий не сразу понял, что скрывается под словом «этим», очень уж устал и был озабочен, но когда сообразил, поспешил успокоить собеседника.

– Да нет! Содомией не грешу и отношусь к ней крайне отрицательно. Но у вас ведь не только за это казнят? Ты уж перечисли мне, пожалуйста, чего нельзя делать ни в коем случае. – Аркадий невольно оглянулся на несчастных. – Да и этих казаков, честно говоря, жалко. Там ведь, как я понимаю, не было насилия. Казнить за это, по-моему, перебор.

– Пе-ре-бор? Почему – перебор? Чего перебор?

Пришлось Аркадию объяснять карточный термин.

– Мне их и самому жалко, особенно старшего, Охрима Впрысядку. Хороший казак, не раз в походы ходил, нигде за спинами товарищей не прятался. И какой бес его соблазнил на это?...

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Э-эх! Ничего. Судьба. Считай, они уже мертвые, в аду обретаются. В другое время, может, мне Охрима удалось бы спасти, но не сейчас. Наказной атаман... чтоб ему!.. меня сильно не любит и моего друга в живых не оставит.

– А может, он за свои заслуги перед православием не в ад попадет?

– Содомиты все на адские муки обречены! – Ни мгновения не сомневаясь, ответил Иван. – Так в Библии записано.

Аркадий спорить не стал. Учился он еще в советской школе, рос в интеллигентной семье, о посмертной судьбе и ее зависимости от поступков человека его познания были крайне скромными. Выходец из XXI века к вопросу содомии (наверняка и многим другим) относился иначе, при всем его отвращении к типам наподобие Бори Моисеева. Приходилось смиряться с мыслью, что придется приспособливаться к законам и нравам времени, в которое попал. Отчего сразу особенно сильно разболелись все благоприобретенные болячки.

Однако его надежды на снятие боли и спокойный отдых быстро развеялись, как дым. В шатре характерника – Аркадий отметил для себя, что развернули шатер люди, явно подчиненные Ивану, – тот быстро осмотрел раны товарища, признал их успешно заживающими, втер в ноги какой-то порошок. После медпроцедур характерник предложил, поужинав, заняться делом. Обсуждением с кузнецами предложений самого Аркадия по улучшению вооружения запорожцев. Кстати, двух своих джур Иван тут же усла в Запорожье (Сечь, естественно; город появился существенно позже), приказав следом третьему ехать к кому-то,

Аркадий не расслышал имени, в какой-то там паланке (административная единица у запорожцев, наподобие области).

Протесты Аркадия, требования дать ему, усталому и больному, прийти в себя остались без последствий. Они натолкнулись на гранитную уверенность Ивана, что такие мелкие болячки и столь незначительное путешествие не повод для оттягивания важного дела. Аргумент, что ничего в походе кузнецы переделывать не смогут, на характерника тоже не подействовал.

– Сделать-то на ходу, конечно, не сделают. Зато успеют обдумать, как лучше сделать сразу по прибытии к донцам. Нам ведь там, по твоим словам, прямо сразу в бой идти.

– Я не говорил, что сразу.

«Вот будет фокус, если я попал в какое-то параллельное измерение, где донцы никаких планов по завоеванию Азова не лелеют! Иван явно не из тех людей, которые легко смиряются с подобной дезинформацией. Вон и адъютантов своих на ночь глядя хрен знает куда послал. Хотя почему хрен знает куда? Может, и недалеко. Только вот, хоть расстреляй меня сейчас, не помню, где была в тридцать седьмом Сечь?»

Кулеш, принесенный каким-то казаком, вряд ли победил бы на соревновании поваров. Делался он, судя по результату, по принципу «пожирней и побольше». Еще дня три назад Аркадий такую гадость и в рот бы отказался взять, но двое суток без еды здорово повлияли на его вкусовые пристрастия. Сожрал (слово «съел» для описания этого процесса совершенно не подходило) все, что дали. Жаловаться же на незначительность порции не пришлось. Однако отдых, вполне заслуженный, настоятельнейшим образом требуемый организмом, откладывался на потом. В шатре начали собираться кузнецы.

К совещанию с Иваном и Аркадием были поначалу допущены трое. Точнее, Васюринский послал гонцов к четверым, но один кузнец, славившийся склочным характером Юхим Великий, приходивший даже по вызову знаменитого куренного атамана отказался.

– Да была бы честь предложена... Сам потом будет жалеть! – так отреагировал на отказ Иван.

Пришедшие кузнецы, все как один, были кряжистые и мускулистые, но разного роста. Высокую их самооценку невозможно было не заметить. И они, в отличие от аборигенов в некоторых развеселых романах, к новациям совсем не рвались. Какой-то шмаркач для них авторитетом не был. Начинали сомневаться в любом предложении Аркадия. Да и стиль изложения у попаданца из-за языкового барьера и раскардаша в голове был неубедительным.

«Господи! Столько лет предавался мечтам, что можно сделать для исправления нашей несчастной, жестокой к русским истории, а, попав в прошлое, не знаю, о чем говорить. Не дай бог, опозорюсь, как герой рассказа Булычева «Паровоз для царя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.